

INSPIRIA

ДЖЕННИФЕР

ВАЙНЕР

«Если у вас
есть время
только на
одну книгу,
выберите эту»
New York
Times Book
Review

18+

Миссис
Всё на свете

INSPIRIA

Дженнифер Вайнер

Миссис Всё на свете

Серия «Novel. Серьезный роман»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64632697

Дж. Вайнер. Миссис Все на свете: ООО «Издательство «Эксмо»;

Москва; 2021

ISBN 978-5-04-118571-8

Аннотация

Это история двух сестер, которая начинается в 1950-х годах. Девочки взрослеют – мир меняется. Они пытаются найти свое место в жизни, пытаются быть верными себе, но, как известно, у каждого своя дорога, а настоящий дом там, где тебя ждут.

Они стояли перед новым домом на Альгамбра-стрит. Девочки, полные надежды. Бунтарка Джо и милашка Бетти. Такие разные – сестры.

А впереди социальные потрясения, война во Вьетнаме, музыка свободы и борьба за женские права.

А впереди первая любовь, рассветы, закаты, громкий смех, соленые слезы, взросление.

Это искреннее и очень женское путешествие по разноцветным десятилетиям Америки. Это путешествие длиной в жизнь – удивительную, сложную и неповторимую.

Роман Дженнифер Вайнер стал бестселлером New York Times и полюбился многим читателям. Эта книга заставит вас смеяться и плакать, и, может быть, уже завтра вы решите изменить свою жизнь, переписав ее воображаемый сценарий. А еще вам очень захочется обнять того, кто всегда рядом, несмотря ни на что.

«Блестящее повествование, охватывающее несколько поколений». – People

«Вайнер сыграет на каждой струнке вашего сердца». – Publishers Weekly

Содержание

2015. Джо	6
Часть первая	10
1950. Джо	10
Бетти	16
Джо	27
1956. Бетти	42
1960. Джо	52
Бетти	70
Джо	107
Бетти	121
1961. Джо	139
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Дженнифер Вайнер Миссис Все на свете

Jennifer Weiner
Mrs. Everything

© 2019 by Jennifer Weiner, Inc.

© Целовальникова Д., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. «Издательство
«Эксмо», 2021

* * *

*Посвящается моей матери, Фрэнсис Фрумин
Вайнер*

2015. Джо

Мобильный зазвонил, когда они выходили из кино. Джо позволила толпе вынести ее из темного зала в светлый вестибюль, вдохнула запах попкорна и зимнего воздуха, исходивший от верхней одежды посетителей, сощурилась от полуденного солнца, сочившегося сквозь пыльные окна, и достала из кармана телефон.

– Алло?

– Джо?

Все стало ясно по голосу доктора, по единственному ее слову. Волшебный шар – игрушка с всплывающим в черной жидкости треугольником с готовыми фразами, который многим помогает в принятии решений, – переключился с *ПОКА НЕ ЯСНО* или *СПРОСИ ПОЗЖЕ* на *НЕ ОЧЕНЬ ХОРОШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ* или *ПО МОИМ ДАННЫМ – НЕТ*. У Джо перехватило дыхание, во рту пересохло. Жена посмотрела на нее, вопросительно изогнув брови. Стараясь не показывать своих чувств, Джо подняла палец и отвернулась.

Впервые она обнаружила бугорок девять лет назад, моясь в душе, – похожее на гальку уплотнение под оливковой кожей, когда-то упругой, а теперь покрытой пигментными пятнами. На этот раз опухоль выявила маммография, которую Джо делала на оставшейся груди каждые полгода. «*Видите?*» – спросила рентгенолог, ткнув кончиком ручки в затемнение

на снимке. Джо кивнула. Всего лишь крошечное скопление белого цвета среди серого полумрака, не больше булавочной головки, но Джо знала, нутром чуяла, понимала, что это приговор.

– Мне очень жаль, – вздохнула доктор, и Джо заметила свое отражение в окне кинотеатра – лицо изможденное и растерянное. «*Мама снова считает ворон!*» – со смехом воскликнула бы Лайла. «*Оставь маму в покое*», – сказала бы старшая дочь, Ким. Невозмутимая Мисси, средняя дочь, проигнорировала бы обеих и достала из сумки книгу.

Доктор продолжала говорить что-то сочувственное.

– Вы должны приехать, чтобы мы обсудили возможные варианты...

Джо знала, что вариантов нет, по крайней мере хороших. В первый раз она прошла через операцию, облучение, химиотерапию. Лишилась волос, аппетита и энергии, потеряла левую грудь и полгода жизни. После пяти лет жизни без рака она могла бы сказать, что вылечилась – *победила болезнь*, как принято выражаться в этих кругах, словно рак был армией захватчиков, которую ей удалось разбить наголову. Однако Джо никогда не считала себя победителем. Она не верила, что рак и в самом деле прошел, всегда думала, что облегчение лишь временное и где-то в глубине ее костей затаились предательские клетки, ждущие своего часа. С тех пор как однажды после душа она нащупала на мокрой коже бугорок, на счету была каждая минута. С того самого утра она

слышала тиканье часов, становившееся все громче и громче, и этот звук придавал особое значение всему, что она делала. Теперь тиканье сменилось тревожным звоном. *Торопись, твое время на исходе.*

Джо задрожала, несмотря на теплый лиловый пуховик, над которым потешались ее дочери. Под ним – свободная хлопковая кофта и джинсы на резинке, купленные лет пятнадцать назад, старые кроссовки («Полагаю, она надевает их в особо торжественных случаях», – сказала кому-то Лайла на вечеринке в честь семидесятилетия матери, устроенной Ким несколько лет назад). Короткая, как всегда, стрижка, седые некрашенные волосы, никакой косметики, никаких украшений, кроме обручального кольца. Джо захотелось швырнуть телефон на сине-красный ковер, закричать изо всех сил... И тут она вспомнила, что закатила подобную сцену много лет назад, в магазине видеопроката «Блокбастер», теперь канувшем в небытие. Джо до сих пор слышала тот самый звук, с которым ее смех перешел в визг, чувствовала острый запах мятной жвачки от продавца-подростка и руку девушки на своем плече, слышала ее слова: «Мэм, я вынуждена просить вас уйти!» Джо вспомнила, как сгорбилась Лайла, втянув голову в тощие плечи, как дрогнул голос Мелиссы: «Мы уходим, мы уже уходим».

«*Время*», – думала Джо, сжимая телефон онемевшими пальцами. Ей нужно время – столько, сколько врачи могут дать. Время, чтобы убедиться: для примирения с сестрой

сделано все возможное. Время, чтобы заставить Ким поверить: она хорошая мать. Время, чтобы убедить Мелиссу: поступить правильно лучше поздно, чем никогда. А Лайла... эх, чтобы решить проблемы Лайлы, и вечности мало!

Неужели Бог не даст ей хоть немного времени? Джо готова была застонать, заплакать, швырнуть телефон в яркую картонную фигуру очередного супергероя, перед которым подростки делали селфи с таким видом, словно будут жить вечно. И тут ей в руку скользнула маленькая ладонь жены. Джо сморгнула слезы. *Пожалуйста, Господи, или кто другой, там, наверху, дай мне достаточно времени, чтобы все исправить!*

Часть первая

1950. Джо

Четверо Кауфманов стояли на обочине перед своим новым домом на Альгамбра-стрит, словно не решаясь ступить на газон, хотя вполне могли это сделать, ведь теперь газон принадлежал им, как и дом из красного кирпича с алюминиевым навесом над крыльцом. Кауфманам принадлежали также парадная дверь и ведущие к ней ступени, почтовый ящик у тротуара, вишня на заднем дворе и клен возле подъездной дорожки, гараж, подвал и чердак, на который можно подняться по складной лестнице, спустив ее с потолка. Они переезжали из неблагополучной части Детройта, по словам родителей Джо, слишком тесной и вредной для здоровья, полной микробов и болезней, а также людей, не похожих на них, в новый район, в свой собственный дом.

– Ах, Кен! – воскликнула мать Джо, сжав плечо мужа. Ее звали Сара, и росту в ней было только пять футов. Белая кожа Сары всегда выглядела чуть тронутой загаром, на плечи падали блестящие каштановые локоны, под крупным носом атели сжатые губы. Круглый подбородок выдавался вперед, придавая ей решительный вид, от крыльев носа к губам тянулись глубокие складки. Однако тем памятным утром угол-

ки рта загибались вверх и не хмурились, как обычно. Мать выглядела счастливой и даже почти красивой. Видеть ее такой Джо еще не доводилось.

Джо обняла маму за тонкую талию, чувствуя пояс-корсет под накрахмаленным красным платьем Сары – ее лучшим платьем с пышной юбкой и узким лифом с тремя большими белыми пуговицами по обеим сторонам. Кудри Сары венчала красная шляпка с черной лентой. Мать обхватила Джо за плечи и прижала к себе. Джо стало так уютно, словно она завернулась в одеяло по самый подбородок или нырнула в озеро Эри, где они отдыхали прошлым летом, и попала в полосу теплой воды.

– Ну, девочки, что скажете? – спросил папа.

– Похож на замок! – воскликнула Бетти, младшая сестра Джо. Пятилетняя Бетти была пухленькой и милой, со светлой кожей, которая буквально светилась изнутри, и сине-зелеными глазами. Бетти всегда говорила именно то, что следует. Шестилетняя Джо была высокой и нескладной и почти всегда делала вовсе не то, что следует.

Папа подхватил Джо на руки, и от счастья у нее закружилась голова. У Кена Кауфмана были густые, зачесанные назад темные волосы, бледная, как у младшей дочери, кожа и синие глаза под темными бровями. Пахло от него лавровишневым одеколоном, которым он пользовался каждое утро после бритья. Широкоплечий и плотный Кен был немногим выше своей жены, но, стоя перед собственным новым домом,

выглядел высоким, как Супермен из комиксов. Он надел свой лучший серый костюм, белую сорочку, красный галстук в тон платью Сары и черные ботинки. В то утро Джо помогла ему их почистить: поставила на вчерашнюю газету *Detroit Free Press* и отполировала щеткой с черепаховой ручкой. Джо с Бетти нарядили в одинаковые розовые ситцевые платьица с пышными рукавами, пошитые их матерью, белые носочки с оборками и лакированные туфельки с ремешком на подъеме. Бетти не терпелось примерить новое платье. Джо спросила разрешения надеть любимый комбинезон, и мать нахмурилась: «Почему ты не хочешь принарядиться? Сегодня у нас особенный день! Разве ты не хочешь выглядеть миленько?»

Джо растерялась. У нее не нашлось слов, чтобы объяснить свое отвращение к слову «миленько». Разве мама не знает, как чешутся ноги от носков с кружавчиками, как жмут модные туфельки, какие глубокие красные отметины оставляют на коже резинки от рукавов? В нарядной одежде Джо чувствовала себя неуютно и едва могла дышать, словно ее втиснули в чужую кожу, и мать постоянно на нее шикала, даже если она вела себя тихо. Конечно, Джо была девочкой... просто не из тех девочек, которые любят платья. Джо знала, что матери этого не понять никогда.

– Наш новый дом! – с удовлетворением в голосе объявила Сара.

– Американская мечта, – с гордостью сказал папа, хотя дом вовсе не выглядел мечтой. Он не был похож ни на замок

со рвом, что бы там ни говорила Бетти, ни на особняки, которые Джо однажды видела в Гросс-Пойнт, когда их семья ездила туда на пикник. Обычное квадратное здание скучного красного цвета, с треугольной крышей, как на картинке в хрестоматии «Дик и Джейн», в ряду других, точно таких же зданий. В старом районе они жили в многоквартирном доме. Поднимаешься по лестнице и узнаешь по запаху, что готовят на ужин соседи. На улицах полно людей – мужчин и женщин, детей и стариков, светлокожих и темнокожих. Теплыми летними вечерами они сидят на крылечках, болтают на английском или на идише, на польском, на итальянском. Здесь же воздух пах просто воздухом, не едой, и все, кого успела повстречать Джо, выглядели так же, как она. Впрочем, может, на новом месте ей удастся начать все заново. Может, здесь она будет хорошей девочкой.

Увы, неожиданно у нее возникла проблема. Отец одолжил у кого-то фотоаппарат – прямоугольный объемистый *Kodak Duaflex* со штативом и таймером. По идее, они должны были дружно сфотографироваться всей семьей на ступеньках нового дома, но Сара заставила Джо надеть под новое платье колготки, из-за которых трусики забились в *тухес* и застряли. Если Джо попытается их поправить, то мать непременно заметит и рассердится. Лицо злобно сморщится, и она пропищит: «Прекрати ерзать!» Однако чесалось невыносимо, и Джо вряд ли смогла бы терпеть долго.

С Бетти подобного не случалось никогда. Если бы Джо

не видела сама, она ни за что бы не поверила, что *тукес* ее сестры вообще делится на две половинки. Бетти вела себя так, словно сзади у нее все совершенно гладко, как у пупсов, которых она так любила. Джо с куклами играла недолго – они ей быстро наскучивали, стоило состричь им волосы или открутить голову.

Девочка перенесла свой вес с одной ноги на другую, надеясь, что трусики сместятся куда надо. Тщетно.

Отец вытащил из кармана ключи, подбросил и ловко поймал.

– Идемте, леди! – Голос у него был громкий и веселый. Бетти с Сарой поднялись по лестнице и встали перед дверью. Сара нахмурилась, заслонила глаза от солнца и посмотрела через лужайку.

– Скорее, Джо!

Джо шагнула вперед, чувствуя, как трусики заползают все глубже. Еще шаг. Потом еще один. Не в силах терпеть, она завела руку за спину, схватила пригоршню розового ситца, просунула большой палец под резинку трусов и оттянула ее. Джо всего-навсего хотела поправить трусики, но потянула так энергично, что оторвала юбку от лифа. Раздался оглушительный звук рвущейся ткани.

– Джозетта Кауфман! – Лицо Сары мигом покраснело.

Отец нахмурился, Бетти перепугалась.

– Прости! – У Джо перехватило дыхание.

– Да что с тобой такое? – рывкнула Сара. – Неужели хоть

раз не можешь побыть хорошей девочкой?

– Сара! – Голос Кена прозвучал тихо и сердито.

– Ну конечно! – воскликнула Сара, тряхнув волосами. – Вечно ты за нее заступаешься!

Мать замолчала, что было хорошо, и начала плакать, что было плохо. Джо стояла на лужайке в рваном платье, в сбившихся набок чулках и смотрела, как слезы прочерчивают дорожки на мамином покрашенном лице, слушала низкий сердитый голос отца и удивлялась, что с ней не так, почему с ней всегда случаются подобные недоразумения, почему она не может быть хорошей девочкой и почему мама не позволила ей надеть штаны, как она просила.

Бетти

Она жила на Альгамбра-стрит, дом 37771, телефон – *UN 29291*, родителей звали Сара и Кен Кауфман, старшую сестру – Джозетта, ее саму – Элизабет Кауфман, но все называли ее Бетти.

Утром сестра уходила в школу, возвращалась в полдень, съедала сэндвич и смотрела в гостиной комедийное шоу для детей Супи Сэйлса, потом снова шла на занятия. Бетти родилась во второй половине года, поэтому в школе пока не училась и сидела дома с матерью. По вторникам они занимались стиркой. Бетти помогала отделять белые вещи от цветных и подавала матери прищепки из банки из-под кофе *Maxwell House*, когда та развешивала мокрое белье на вращающейся алюминиевой сушилке на заднем дворе. По средам мама занималась гладкой, Бетти держала бутылки с водой и крахмалом, и иногда ей даже разрешали сбрызгивать вещи. Мама облизывала кончик пальца и легонько касалась утюга, слушая шипение, по которому определяла, достаточно ли тот нагрелся, однако Бетти никогда не позволялось трогать утюг. Весь день в кухне играло радио – обычно джазовая музыка или новости на *WJBK* – «Радиостанция Детройта, пятнадцать-ноль-ноль на вашем приемнике». По четвергам они ходили за продуктами. Мама катила перед собой металлическую тележку на колесиках до Рочестер-авеню, где они поку-

пали курицу, бифштексы или отбивные в кошерных мясных лавках, средство для мытья посуды в аптеке, свежие овощи – в зеленой лавке, рыбу – в рыбном магазине. Бетти держалась за тележку и наблюдала, как мама тискает помидоры, нюхает дыни и приподнимает куриное крылышко с таким подозрительным видом, словно еда пытается ее обмануть. Все улыбались Бетти, щипали за щечки и говорили, какая она миленькая и воспитанная девочка. Бетти улыбалась, а мама вздыхала, вероятно, вспоминая про Джо, которая была Наказанием.

Пятницы Бетти любила больше всего, потому что по пятницам был Шабат. На завтрак мама вырезала стаканом для сока отверстие в куске хлеба. Как объяснял детям Буффало Боб из телепрограммы *«Шоу Хауди-Дуди»*, «чудо-хлеб делает тело сильным восемью разными способами». Он велел, чтобы на кухне всегда был хлеб с красными, желтыми и синими шариками на упаковке, но в доме Бетти ели тот, который им давал Зайде – этот хлеб он делал в пекарне, где работал. Мама намазывала маргарин с обеих сторон куска, потом клала на горячую сковородку. В лучшие дни, когда открывали новую упаковку, Бетти давали капсулу с желтой краской, которую нужно было раздавить и полить на кусок, чтобы тот стал желтым. Мамины руки разбивали яйцо о край сковороды и аккуратно выливали его в хлебную дырочку. Яйцо жарилось, хлебный круг румянился, и Сара кричала Джо, чтобы та застилала постель, умывалась и шла к столу, не то

опоздает в школу. Завтрак раскладывали по тарелкам, поджаренный хлеб – сверху, яйцо – под ним. Это называлось яйцо в шляпе.

После завтрака, сполоснув тарелки и стаканы из-под сока и поставив их сушиться, мама собирала для Джо еду в школу. Бетти снимала фланелевую ночную сорочку, аккуратно складывала и прятала ее под подушку. Потом она застила- ла постель и одевалась, мама помогала застегнуть молнию и делала ей прическу: расчесывала волосы, разделяла на прямой пробор и заплетала две косички, завязывая ленточки в тон платью. Бетти восторженно наблюдала, как мама вынимает бигуди из своих волос, падавших ей на плечи блестящими каштановыми локонами, начесывает их и хорошенько брызгает лаком. Мама надевала платье и прикрепляла к под- вязкам нейлоновые чулки. Она распыляла в воздухе духи из пульверизатора и вставала под ароматное облачко, объясняя дочери: «Наносить духи прямо на кожу нельзя, просто брыз- ни и пройди сквозь них». Иногда, если Сара не видела, Бет- ти пробежала туда-сюда сквозь остатки *Soir de Paris*, надеясь, что будет пахнуть так же приятно, как мама.

В десять утра приходила Мэй, прислуга. Хотя ей было лет сорок, мать Бетти называла ее «девушка», а Мэй звала ее «мэм». У Мэй была смуглая, золотисто-коричневая кожа, вся в темных родинках, брови она выщипывала в ниточку и сверху красила черным карандашом. Блестящие черные во- лосы она укладывала волнами на голове и на щеках. Мэй пе-

реключала радио на волну *WJLB 1400* и слушала песни вроде *Blue Shadows*, *Fool* и *Please Send Me Someone to Love*. Она подпевала и наутюживала одежду Кауфманов, а закончив с гладкой, подвязывала голову ярким шарфиком и приступала к уборке – пылесосила ковры, мыла полы и натирала их воском.

Иногда Мэй приводила с собой дочку. Звали ее Фрида, и кожа у нее была посветлее, чем у матери, но все же темнее, чем у Бетти. Худая как щепка Фрида, с мосластыми, вечно ободранными коленками и задорно торчащими косичками, была ровесницей Джо и такой же неугомонной. Подруги без усталости носились по заднему двору, лазали на вишню, играли в ковбоев и индейцев, возвращались домой потные и запыхавшиеся, в перепачканной травой одежде. Бетти предпочитала оставаться дома и играть с бумажными куклами. Джо обожала Фриду и часто сидела на кухне с Мэй, даже если та приходила без Фриды, подавала ей вещи для глажки и подпевала радио.

Папа Бетти работал в бухгалтерии на заводе *Ford*, поэтому у Кауфманов всегда было две машины – новая и старая. Новая (последняя модель *Ford*) обитала в гараже, старая (модель предыдущего года) стояла на лужайке перед домом; на ней ездила Сара. Когда Бетти исполнилось пять лет, старой машиной стал четырехдверный седан *Ford Tudor* с фиштакново-зеленым кузовом и темно-зеленой жесткой крышей. Мама забиралась на водительское сиденье, крепко сжи-

мала руль и осторожно проезжала милою до их прежнего дома на углу Рочестер и Линвуд, где оставались жить родители Сары, *Бэббе* и *Зайде* Бетти. В их трехкомнатной квартирке были беленые стены, закопченные от табачного дыма, пахло дедушкиными сигарами и вкусной едой.

Бэббе и Зайде были старенькие и морщинистые, с кожей как скорлупа грецкого ореха. Они напоминали деревянных матрешек с каминной полки, потому что с каждой неделей превращались во все более уменьшенные копии самих себя. Зайде сильно сутулился, ходил в черных брюках, натянутых до середины груди, и в тонкой белой рубашке с короткими рукавами, через которую просвечивал полукруглый вырез исподней майки. Из-под рубашки свисала бахрама его *цицита*, молитвенного облачения. Бэббе сутулилась еще больше и ростом была еще ниже. Свои седые волосы она зачесывала назад и укладывала в узел на затылке, платья носила черные и бесформенные. Она щипала Бетти за щечки и звала ее *шайна майдель*¹, а к приезду внучки всегда пекла что-нибудь сладкое. Пока мама не видела, Бэббе совала Бетти кусочки печеного теста, мягкого и хрустящего от сахара, и девочка их тайком поедала.

Бэббе и Зайде были очень старенькими. Они родились не в Америке, как Бетти и ее мать, и разговаривали только на идише. Английского они не знали, поэтому мама занималась их банковскими делами и помогала им со счетами. Пока

¹ Послушная, красивая девочка (*идиш*). (Здесь и далее – прим. перев.)

женщины сидели за деревянным кухонным столом со стопкой бумаг, Зайде с Бетти готовили халу. Улыбками и жестами старик показывал Бетти, как заливать дрожжи теплой водой и добавлять мед, чтобы они подошли. Девочка вылила чашку подсолнечного масла в огромную деревянную миску, Зайде разбивал яйца и вручал Бетти венчик, затем сыпал муку. Несмотря на маленький рост, Зайде ловко вымешивал тесто на столе своими узловатыми руками, толкая его туда-сюда, переворачивая, собирая в комок и расправляя. Затем хлеб снова клали в смазанную маслом миску, накрывали крышкой, ставили в разогретую духовку и ждали, пока подойдет. Бетти шла в гостиную, где Бэббе держала специально для нее коробку из-под обуви, полную бумажных кукол с разными одежками, и цветные карандаши, чтобы рисовать. Иногда Зайде брал Бетти с собой в магазин, где покупал сигары для себя и леденцы для нее. Вернувшись в квартиру, девочка рассматривала фотографию в рамке, висевшую на стене. Снимок сделали вскоре после того, как Бэббе с Зайде приехали в Америку. На Бэббе – белая блузка с оборчатым воротником под горло и длинная черная юбка, туго стянутая на талии, на голове – собранные в сложную прическу темные волосы. На Зайде – черный костюм, борода спадает почти до середины груди. Оба очень юные и очень серьезные. Между ними стояла маленькая девочка, глядевшая так же сурово, как и они. На ее плечах лежали руки родителей.

– Неужели это ты? – спрашивала Бетти. Ей не верилось,

что мама была когда-то маленькой.

– Да, – отвечала мама и рассказывала, как Бэббе с Зайде приехали издалека, из-за моря, из деревушки в России. Русский царь евреев не любил. Он заставлял их жить в гетто и запрещал им заниматься некоторыми видами работ. Иногда приходили солдаты с факелами и разбивали окна еврейских домов и лавок или сжигали их дотла, поэтому Бэббе с Зайде пришлось уехать в Америку и послать Сару в школу, чтобы она выучила английский и стала американской девочкой. Мама говорила, что дети ее дразнили, называли всякими обидными словами вроде тех, что Бетти слышала на детской площадке от старших ребят, – пархатой, жидовкой или жидовской мордой. Однажды плохие мальчишки гнались за мамой до самого дома и швыряли в нее грязью. Мама рассказала эту историю Джо, когда та вернулась со школы в равной блузке и с запиской от учителя. Джо подралась с мальчиком, который заявил, что Иисуса убили евреи. Бетти думала, что Джо влетит за драку; вместо этого мама сжала губы и процедила: «Иисуса убили римляне, а не евреи. Скажи это своему дружку». И мама призналась, что в детстве ее тоже дразнили. Джо приставала с вопросами, желая разузнать все подробности: например, поделилась ли Сара с родителями, сообщила ли имена мальчиков учителю и наказали их или нет. Сара лишь покачала головой и заметила, что с тех пор прошло много лет и она уже не помнит.

На обед Бетти получала кусок хлеба, намазанный настоя-

щим маслом и посыпанный сахаром, и миску горохового супа или куриной лапши. Зайде считал, что всем детям нужно кушать суп, чтобы расти, даже летом. Маме с Бэббе тоже доставался суп, Зайде – маринованная селедка с черным хлебом.

После обеда Сара выполняла всевозможные поручения, связанные со знанием английского языка. Иногда Бетти шла в спальню, взбиралась на жесткую кровать Бэббе и Зайде, чтобы немного вздремнуть. Иногда ей поручали опускать тесто. Зайде научил девочку сжимать руку в кулак, отводить назад и бить тесто с размаху. Раздавался свистящий звук, и рука Бетти погружалась в темную податливую глубину по самый локоть. Зайде одобрительно улыбался. Вскоре тесто поднималось вновь, Зайде разделял его на шарики и раскалывал в длинные колбаски, затем соединял по шесть и заплетал в косички. Руки его двигались проворно, как у наперсточника на углу, пока не получалась одна, две, три, четыре халы. Бетти с удовольствием мазала их взбитым яйцом и аккуратно посыпала маковыми зернышками. Сара выкладывала две халы на захваченный из дома противень, накрывала вошеной бумагой, клала на заднее сиденье своей «старой» машины, медленно трогалась с места и осторожно ехала обратно.

Когда они возвращались, дом сиял чистотой – полы вымыты, в воздухе пахнет полиролью для мебели и чистящим средством с ароматом сосны. Мэй оставляла на столешнице

сковороду с остывающим кукурузным хлебом, и Сара давала Бетти кусочек. Халу ставили в холодильник, пока Сара готовила остальные субботние блюда: жареную курицу с картофелем, стручковую фасоль с луком, чолнт – тушеную фасоль с мясом и ячменем, который тушился всю ночь в тяжелой оранжевой кастрюле и ждал своего часа в остывающей духовке. Бетти сидела за кухонным столом или в гостиной, читая библиотечные книги, в то время как дом наполнялся приятными запахами жареного цыпленка и свежееиспеченной халы. Сара суетилась на кухне – юбка шуршит, каблочки постукивают: взбивала соус, обрезала хвостики у стручков фасоли, доставала субботние подсвечники, вино и свечи.

Едва начинало темнеть, как Бетти с Джо принимали ванну и переодевались в чистые платья. Папа приходил домой, и девочки вместе с матерью зажигали свечи и произносили благословение. «Доброй субботы», – говорила Сара и целовала дочерей, оставляя у них на щеках следы красной помады. Бетти вдыхала ароматы маминого лака для волос и духов, слушала шорох платья, и ее сердечко едва не лопалось от любви, словно надутый до предела воздушный шарик. Отец благословлял хлеб и вино, Бетти с Джо отпивали по глоточку сладкого красного вина, и семья садилась к столу, накрытому белой скатертью, ела курицу с подливкой и свежую халу с медом, медовый пирог или *ругелах* – рулетики с орехами, сахаром, корицей и абрикосовым джемом.

Бетти наедалась до отвала, потом наступало время идти

в постель, и она лежала в темной спальне, умывшись и почистив зубы, в наполненном чудесными запахами доме, рядом с сестрой, которая находилась на расстоянии вытянутой руки. И тогда наступала самая лучшая часть пятницы: Джо рассказывала ей сказку про принцессу по имени Бетти, живущую в замке с птичками и мышками, которые шили для нее красивые платья и помогали ей застилать постель. Вдруг случилось несчастье: умирала мать принцессы, и ее отец женился на злой женщине, которая ненавидела падчерицу из-за ее красоты и заставляла прислуживать себе или гнала бедняжку в заколдованный лес, где после наступления темноты ветви деревьев превращались в руки и норовили схватить маленькую девочку...

– Не надо страшную, – шептала Бетти.

– Принцесса Бетти бежала и бежала, пока ее красивые шелковые туфельки не протерлись до дыр, а длинное платье не порвалось, – продолжала Джо. – Она бежала в темноте и вдруг наткнулась на высокую каменную башню, уходящую прямо в небо. Бетти изо всех сил потянула железную ручку, дверь со скрипом отворилась, и принцесса начала подниматься по лестнице...

Иногда принцесса взбиралась на вершину башни, и терновник вокруг разрастался, скрывая беглянку от внешнего мира, а птички и мышки приносили ей глоточек воды и ягоды, чтобы утолить жажду и голод. Иногда принцесса Бетти колола палец о ядовитую прялку и засыпала на пятьдесят

лет, пока принц не будил ее поцелуем. Иногда фея-крестная дарила Бетти крылья, и она улетала в окно, паря высоко над королевством, или принц помогал ей сесть на лошадь, и они уезжали вместе, или она уносилась в небо на ручном драконе. Что бы ни произошло дальше, Бетти знала, чем закончится сказка: принцесса непременно сбежит из башни, приручит дракона, выйдет замуж за принца и унаследует королевство, спасет отца от злой ведьмы, и все они будут жить долго и счастливо!

Джо

– Джозетта Кауфман, вернись сию же минуту!

Джо с пыхтеньем мчалась по коридору. Добежав до спальни, она захлопнула дверь и заперла на задвижку, перепугав сестру, которая лежала на кровати и читала *«Близнецы Бобси на Черничном острове»*. Не успела Бетти спросить, что происходит, как Джо распахнула шкаф, взобралась на комод и принялась толкать свой синий чемодан с блестящими медными застежками, пока он не свалился на пол.

– Джо! – Сара яростно забарабанила в дверь.

Джо сделала вид, что не слышит, и швырнула чемодан на кровать. Внутри картонного, обтянутого синим твидом каркаса имелся эластичный голубой кармашек для нижнего белья и носков. Сестра побросала в основное отделение три пары трусиков и носки, две рубашки, свитер, комбинезон, кроссовки, коричневый кожаный жилет с золотым значком шерифа и две библиотечные книжки. В кармашек она положила яйцо малиновки, которое нашла прошлым летом и бережно хранила на прикроватном столике, завернув в носовой платок, и защелкнула золотистые застежки. Пока Бетти изумленно тарасилась, а Сара стучала и ругалась, Джо взобралась на комод, открыла окно, вытолкнула чемодан на лужайку, проскользнула в щель между подоконником и рамой, оцарапав живот, и коснулась обутыми ногами земли.

Схватив чемодан, сестра понеслась по дорожке на Альгамбра-стрит, пересекла Кларита-авеню и Маргарета-авеню, направляясь к Ливернойс-авеню. Мэй жила на Грэшит-стрит, в районе, который Фрида называла Черное Дно. Джо плохо представляла, где он находится, но решила, что если пойдет по Ливернойс, то наверняка рано или поздно туда доберется.

После четвертого квартала Джо перешла с бега на быстрый шаг. После пятого у нее заболела рука, и чемодан пришлось переложить в другую руку. Она брела по тротуару мимо аптек и кондитерских, чувствуя, как рубашка липнет к потной спине. Стоял май, жаркий и влажный, небо было блекло-голубого цвета, трава – ярко-зеленая. Чемодан при каждом шаге бил по ногам. Переходя Тэтчер-авеню, она услышала позади шум машины. Джо пошла быстрее, машина прибавила скорость, и кто-то окликнул ее по имени. Джо обернулась и увидела отца.

– Эй, приятель, хочешь сходить на матч «Тигров»? – позвал он, открыв окно.

Джо застыла на месте. Они с отцом прослушали по радио десятки матчей «Тигров» – сидя в машине или на заднем дворе летними вечерами, когда небо становилось оранжевым и золотым и вокруг пахло свежескошенной травой, но попасть на стадион она даже не мечтала. Особенно теперь, угодив в такую неприятную историю... Впрочем, отец мог ничего и не знать.

– Сегодня «Тигры» играют с «Янки», – сообщил Кен и по-

смотрел на нее с надеждой.

– Правда?! – Джо ушам своим не верила. Неужели она действительно пойдет на стадион *Briggs* и вживую увидит Хута Эверса и Вика Верца? Неужели она проведет целый день вдвоем с отцом?

Джо решила поискать Мэй как-нибудь в другой раз. Она обежала машину, бросила чемодан на заднее сиденье и запрыгнула на переднее, рядом с папой. Он вел легко и уверенно, скользя в потоке транспорта в час пик, и вот они уже на углу Мичиган-стрит и Трамбулл-стрит. Отец заплатил четверть доллара за парковку позади магазина пиломатериалов Брукса, прямо в тени стадиона.

– Держи меня за руку, – велел он.

Джо сунула свою маленькую ручку в большую ладонь отца, крепко сжала, и они нырнули в толпу. Пахло бензином и выхлопными газами, свежими газетами и хот-догами. Все шло быстро, словно спешили по очень важному делу. Отец подошел к окошку кассы, и Джо потянула его за рукав. Жадничать не стоило, но она никогда бы себе не простила, если бы не попыталась.

– А есть места в правой части поля?

– Думаешь, ты сможешь поймать высоко отбитый мяч? – спросил отец, и у Джо скрутило живот, потому что она поняла: без перчатки и пытаться не стоит. Та самая бейсбольная перчатка, которую она выпросила у родителей на Хануку, чтобы не одалживать постоянно у братьев Штейн, жив-

ших через дорогу, осталась дома – в ящике с игрушками у кровати.

Отец сунул руку в карман пиджака, как фокусник, доставший из шляпы кролика, и вынул перчатку. Джо подпрыгнула от радости. Они прошли по узкому темному коридору и долго поднимались все выше и выше, минуя один крутой пролет за другим. Джо крепко сжимала папину руку, чтобы не потеряться в толпе. Мужчины были в рубашках с коротким рукавом или в костюмах с ослабленными галстуками, женщины – с завитыми волосами и накрашенными губами. Джо заметила юную пару на свидании и наблюдала, как молодой человек отпил пива из пластикового стакана и передал его своей девушке. Огни на поле ослепительно сияли, сочная изумрудно-зеленая трава далеко внизу буквально светилась, стоявшие в ряд игроки казались не больше бумажных кукол Бетти. Джо переполняло счастье: она словно попала в волшебное королевство, куда стремилась больше всего на свете, к тому же вместе с отцом, который любил ее и оберегал.

Она смотрела на поле, пытаясь разглядеть хваленого Микки Мэнтла, нового игрока «Янки», и вдруг отец спросил:

– Ну что там у вас стряслось?

Сердце Джо забилось быстрее, кожа похолодела. Отец обнял ее за плечи, и теплая тяжесть его руки подействовала на девочку успокаивающе. Пиджак он снял и повесил на спинку сиденья, оставшись в белой рубашке, которая мерцала в лучах полуденного солнца.

– Я на тебя не злюсь, – добавил он.

– Зато мама злится, – сказала Джо.

Неприятности начались, стоило ей забежать домой на ланч. Был вторник, а по вторникам приходила Мэй и иногда брала с собой Фриду. Джо ворвалась в гостиную, швырнула книги на пол и поспешила на кухню. У раковины стояла веснушчатая незнакомка с обвитыми вокруг головы каштановыми косами и наливала воду в ведро. Высокая и упитанная, с мощными руками и большими розовыми кистями, одета в белую блузку и коричневые брюки. Ни шелкового шарфика на голове, ни щели между передними зубами. Вместо музыки по радио шли новости, кукурузным хлебом даже не пахло, пахло только чистящим средством с сосновой отдушкой.

– Вы кто? – спросила Джо у странной женщины.

– Джозетта Кауфман, что за манеры? – Сара сидела за столом и составляла список продуктов. На краю стеклянной пепельницы тлела сигарета.

– Виновата, – сказала Джо и повернулась к женщине: – Прошу прощения, вы кто?

– Айрис, – ответила женщина, стоя лицом к раковине.

– Вы знаете Мэй? – поинтересовалась Джо.

– Нет, мэм.

– Мэй больше не придет, – подхватила Сара.

Джо резко обернулась к матери:

– Почему?!

– У нее много дел.

– Каких таких дел?

– Других дел, – отрезала Сара таким тоном, что Джо должна была понять: больше никаких вопросов. – Мне послышалось или кто-то устроил беспорядок на полу в гостиной?

Джо вернулась в комнату, собрала книги и бросила их на полу в спальне. На кухне новая прислуга мыла пол широкими взмахами швабры.

– Мэй вернется? – спросила Джо.

Сара покачала головой.

– Можно мне к ней сходить?

– Джо, Мэй занята. Есть и другие семьи, для которых она делает уборку.

Джо закусила губу.

– А как же Фрида?

Сара отложила список и посмотрела на дочь:

– Здесь живет столько хороших детей! Почему бы тебе не поиграть с Шейлой или с Клэр? Или, может, Бетти захочет покататься с тобой на роликах?

Лицо Джо покраснело, внутри нее все забурлило и зашипело, словно кровь превратилась в кипящую лаву.

– Я хочу играть с Фридой! Можно мне с ней увидеться? Я доберусь на трамвае, если ты скажешь, куда ехать.

– В восемь лет ездить на трамвае одной нельзя. К тому же у Фриды есть с кем играть.

– Фрида – моя подруга! Она приходила ко мне на день

рождения.

Месяц назад Сара не хотела, чтобы Фрида пришла на праздник. Увидев список гостей, где имя Фриды стояло под номером один, она нахмурилась. «У нее могут быть другие планы, – заметила Сара, – к тому же вряд ли Мэй захочет ехать так далеко в свой выходной». Джо отправилась к отцу, и Кен, похоже, что-то сказал Саре. В назначенную субботу Фрида в нарядном розово-зеленом платье первая позвонила в дверь и вручила Джо завернутый в цветную бумагу подарок. Они играли в «*Прищепи ослику хвост*» и «*Утка, утка, гусь*», ели мороженое и торт, и Фрида подарила Джо жилет из оленьей кожи с бахромой и золотым значком шерифа. Джо обожала этот жилет. Она была готова надевать его каждый день, если бы мать разрешила. Она просила у родителей ковбойские сапожки, которые идеально подошли бы к жилету, но вместо этого получила браслет с подвесками и набор щеток и расчесок для волос.

– Пойдем-ка со мной, – велела Сара, резко потушив сигарету. – Извините нас, Айрис.

– Да, мэм, – кивнула странная женщина.

Джо последовала за матерью в гостиную и села на диван. Сара осталась стоять.

– Ты заставила Айрис почувствовать себя нежеланной гостьей в нашем доме, – проговорила Сара.

– Мне очень жаль, – ответила Джо. – Только почему ушла Мэй? Я по ней скучаю! Я хочу ее увидеть! Я хочу увидеть

и ее, и Фриду!

Сара сжала губы так сильно, что они превратились в тонкую красную линию.

– Одного полета птицы должны стаями водиться! – четко проговорила она. – Понимаешь?

Джо покачала головой. Сара скорчила привычную гримасу, означавшую «*Боже, дай мне терпения!*», и глубоко вздохнула.

– Итак, выражение «одного полета птицы» означает людей, похожих друг на друга. «Стаями водиться» означает, что они должны быть вместе. Таким образом, *люди должны водиться с себе подобными*. – Сара посмотрела Джо в глаза. – У Мэй и Фриды есть свои друзья, такие же, как и они. У тебя – свои собственные. Ясно?

Джо ничего не было ясно.

– Фрида похожа на меня! Она любит играть в кикбол, в шарики и в ковбоев! – По щекам Джо покатались слезы. – Фрида сделала мне самый лучший подарок на день рождения!

Сара сердито вздохнула и пробормотала:

– Зря позволила ее пригласить...

– Почему?! – звывала Джо, не в силах вынести мысли о том, что ей больше никогда не играть с Фридой, не слышать из кухни музыку Мэй, не есть ее кукурузный хлеб. – Почему? – повторила она, но мать промолчала, и тогда Джо вскочила с дивана и объявила: – Я поеду к ним!

– Ты останешься дома и сядешь за уроки, – отчеканила Сара.

– А вот и нет! Я поеду к ним, и ты меня не остановишь!

– Это мы еще посмотрим! – У Сары покраснела шея, затем подбородок. – Юная леди, ты будешь сидеть прямо здесь и только попробуй меня ослушаться!

– Ты мне не начальник! – крикнула Джо, порываясь уйти.

Мать схватила Джо за плечо и отвесила ей пощечину.

Они стояли, тяжело дыша, и смотрели друг на друга. Губы Сары дрожали. Щека Джо горела и пульсировала от боли. Глаза наполнились слезами, но она не хотела доставлять Саре такого удовольствия, поэтому помчалась по коридору, влетела в спальню и заперлась. Пока Сара стучала в дверь, а Бетти тарасилась, Джо побросала вещи в чемодан и выскользнула в окно.

Что бы Джо ни делала, мать всегда на нее злилась. Джо вечно оставляла вещи на полу, щипала сестру, разговаривала слишком громко или слишком шумела – будь то за едой или просто на прогулке. Джо теряла библиотечные книги и ломала игрушки. Она рвала одежду, в волосах у нее застревала жвачка. Однажды она даже оставила себе деньги, которые мать дала на *цдаку*² в еврейской школе, и купила конфет, а ябеда Бетти на нее настучала.

² *Цдака* (часто переводится как «благотворительность») – одна из заповедей в иудаизме. Обязательное дело в пользу бедных, нуждающихся, а также на развитие проектов, способствующих распространению иудаизма и истинных знаний о нём.

Некоторые правила Джо понимала, некоторые оставались для нее загадкой. «Сядь нормально!» – велела Сара, когда Джо сидела в кресле, широко расставив ноги. «Какая разница, как я сижу?» – недоумевала Джо, и Сара хваталась за голову, стонала и говорила: «Погоди, вот вернется с работы отец!» Когда приезжал Кен, Сара вела его в гостиную и шепотом рассказывала об очередных злодеяниях Джо. Кен вздыхал и вел дочь на кухню, садился на деревянный стул с прямой спинкой и ослаблял галстук. Джо ложилась ему на колени, опускала штаны или поднимала юбку, и отец отвешивал ей десять размеренных шлепков, от которых ее ягодички становились розовыми и болели. Сара наблюдала за происходящим с порога, скрестив руки на груди. Порка заканчивалась, Кен строгим голосом велел: «Идем со мной, юная леди», и Джо шла за ним в машину, опустив голову.

– Ты в порядке, приятель? – спрашивал отец, едва за ними закрывалась входная дверь. Джо кивала, и он вздыхал и каждый раз повторял одно и то же: – Знаешь, мне ведь гораздо больнее, чем тебе.

Иногда они просто сидели в машине, слушая трансляции спортивных игр по *WJBK*: «*Детройтские львы*» или «*Россомахи*» Мичиганского университета осенью, «*Красные крылья*» зимой, «*Детройтские тигры*» весной. Иногда они катались на новеньком *Ford* Кена, которым он управлял одними коленками, к радости и изумлению Джо. Она устраивалась впереди на длинном сиденье, покрытом искусственной

кожей, и папа кружил по району или вез ее в центр Детройта, где знал самые потайные места.

Он водил Джо в Национальный банк Детройта. Там в вестибюле стояла изящная стеклянная туфелька, которую давали померить всем девочкам, и клерк вручал шоколадный батончик тем, кому туфелька была слишком мала. Иногда они отправлялись в ресторан для автомобилистов *Dipsy Doodle* на углу Найн-Майл-роуд и Телеграф-роуд за двойными бургерами или в кофейню *Mayflower*, где на бумажных меню значилось: «Идя по жизни, брат, какова бы ни была твоя цель – следи за пончиком, а не за дыркой», или ехали на автомойку *Jax Kar*, где рекламные щиты советовали: «Чистая машина и едет лучше». Джо обожала сидеть в темноте, пока машина двигалась рывками по темному тоннелю, и слушать, как шлепают и стучат щетки, отмывая крышу и бока. Во всех поездках Джо с отцом включали радио. Кен подпевал глубоким и мелодичным голосом *The Yellow Rose of Texas*, *Unchained Melody* или *It's a Sin to Tell a Lie*.

Время, проведенное с отцом в машине, было самым счастливым в жизни Джо. В дождливые дни дворники шуршали по стеклу, навевая сон. Зимой теплый воздух из обогревателя приятно обдувал колени, в жаркие летние дни она опускала окно и наслаждалась ветром в лицо. Отцу не мешала ни короткая стрижка Джо, ни ее громкий голос, ни ее комбинезон и сползающие носки; его ничуть не тревожило, что ноги Джо почти такого же размера, как у Сары, и что за год она

дважды выросла из школьных туфель. Его ничуть не раздражала ее неряшливость и забывчивость, он не ругал ее за просроченные книги и огромные библиотечные штрафы. Он не возражал против ее любимого сериала «Дымок из ствола» и не заставлял смотреть вместо него ерунду вроде «Я люблю Люси» или «Приключения Оззи и Харриет», ничего не имел против беготни с Фридой на заднем дворе, игр в ковбоев и индейцев, а также стрельбы из пневматического ружья, которое она одалживала у Дона Лафферти.

Когда становилось поздно, Кен поворачивал к дому, ловко въезжал на подъездную дорожку и вел Джо, держа руку на ее плече. «Слушайся маму», – громко велел он так, чтобы Сара слышала. Сара обычно закатывала глаза и вполголоса бормотала: «Ты ее балуешь», однако сама была счастлива, что Кен избавил ее от Джо хотя бы ненадолго. «Мать меня ненавидит», – думала Джо, но не особо расстраивалась, потому что ее любил отец, и она ощущала его любовь как пылающий в груди уголь, чувствуя его тепло даже перед лицом разгневанной матери.

На стадионе *Briggs* отец положил руку ей на плечо.

– Расскажи мне, что случилось.

– Я пришла домой, и Мэй там не было, – начала Джо. – Мама сказала, что ей нужно убираться в других домах и она уже никогда не вернется. Я хотела ее найти...

– А-а, – протянул отец, – ясно. Мэй живет в десяти милях

от нас.

– Ну и что! – Голос Джо дрогнул. – Не ей решать, с кем мне дружить! Я стараюсь... Я так стараюсь делать то, чего она хочет, быть такой, как она хочет, только ничего не получает. – Джо опустила голову и озвучила свой худший страх: – Она меня ненавидит...

– Ну что ты, дружок! – воскликнул отец и ободряюще потрепал ее по шее. – Мама тебя любит. Ты у меня молоток!

Джо улыбнулась, когда папа заговорил с ней как ребята в школе, сморгнула слезы и стала смотреть игру.

В пятом периоде отец купил им по хот-догу, налив на со-сиску Джо ровно столько кетчупа, сколько нужно. Себе он взял пива, Джо – клубничной газировки, от которой губы и язык стали ярко-красными. Джо Гинзберг, кэтчер, парень из Детройта, окончивший школу Кули, подошел к пластине, и зрители оглушительно завопили, а когда Гинзберг выбил хо-ум-ран, Джо вытянула руки и смотрела, как мяч летит прямо в руки болельщика всего несколькими рядами ниже, чем она.

– Чуть-чуть не долетел! – простонал отец, но Джо не расстроилась. Она и так была ужасно счастлива находиться ве-чером здесь, вдали от разгневанной матери. Джо допила га-зировку и представила, как после финального периода они с отцом сядутся в машину и уезжают куда глаза глядят. Они могли бы последовать за «Тиграми», посещая все выездные игры, пока лето не кончится; они могли бы поехать к Боль-

шому каньону, во Флориду или в Калифорнию, где тепло круглый год. Ночевали бы в мотелях или купили палатку и останавливались в кемпингах, готовили еду на костре, как герои Лоры Инголс в «*Маленьком домике в прериях*». Джо купалась бы в океане и каждый день носила жилет из оленьей кожи со значком шерифа, приглашала бы на вечеринки тех детей, которые ей нравятся, и никто на нее не кричал бы и не заставлял чувствовать себя слишком большой, слишком громкой или просто плохой, что бы она ни делала...

На всю оставшуюся жизнь Джо запомнила тот вечер, когда «*Тигры*» обыграли «*Янки*» со счетом шесть – пять в дополнительных периодах. Она запомнила и хоум-ран Джо Гинзберга, и как он выбил двух отбивающих «*Янки*». Она запомнила кислый привкус пива, которое отец дал ей попробовать, и щекочущую губы пену. Она запомнила запах папиного лосьона после бритья и папин голос, когда по дороге домой он подпевал Нату Кингу Коулу, слушая песню *Somewhere Along the Way*.

Свернув на подъездную дорожку, папа выключил мотор и остался сидеть за рулем.

– Мама объяснила тебе что-нибудь про Мэй? – спросил он.

– Она сказала: «Одного полета птицы должны стаями водиться». Я ответила, что я не птица.

Папа с трудом сдержал улыбку.

– Мама хочет, чтобы вам с сестрой жилось легко. Ей самой

в детстве пришлось сурово.

Джо кивнула. Она слышала о том, что мама знала английский язык, а ее родители – нет, и мама говорила за них, и еще в их районе было мало еврейских семей, и другие дети ее обижали, кидались в нее грязью и гнали до самого дома.

– Мы поэтому переехали сюда? – спросила Джо. – Потому что здесь все евреи, как и мы? Потому что когда все одинаковые, всем живется легко?

Отец посмотрел на нее удивленно и задумчиво. Он побарабанил пальцами по рулю и наконец сказал:

– В еврейском районе жить удобнее, потому что школы здесь лучше. Наш старый район меняется. Теперь там уже не так безопасно. Долг родителей в том, чтобы заботиться о детях. – Он прижал Джо к себе, и она ощутила приятный запах чистого хлопка, тоника для волос и лавровишневого одеколона. – Ступай в дом и попроси у мамы прощения! Она тебя любит.

«Не любит, – подумала Джо. – Ты сам знаешь, что не любит». Тем не менее сказала: «Ладно». Отчасти ей хотелось снова пуститься в объяснения, рассказать, как она пыталась быть хорошей, следовать всем правилам, даже если иногда их не понимала. Однако гораздо больше ей хотелось, чтобы папа повернул ключ, выехал на улицу и повел машину куда глаза глядят.

1956. Бетти

К одиннадцати годам Бетти Кауфман уже знала, что ей суждено стать звездой. У нее были блестящие каштановые волосы, которые мама на ночь накручивала на тряпочки, красивые сине-зеленые глаза и изогнутые брови, а больше всего людям нравилась ее улыбка. «Улыбнись-ка нам, Бетти!» – восклицали продавщицы в сеточках для волос в датской пекарне, стоило Бетти с матерью зайти туда за миндальным пирожным, и угощали ее печеньем с посыпкой.

– Вот идет миленькая юная мисс! – говорил Стэн Данович, владелец «*Мясной лавки Стэна*» на Элевен-Майл-роуд, и отрезал для Бетти кусочек индейки или болонской колбасы. Мистер Кнудсен из магазинчика «*Все по пять и по десять центов*» насыпал ей мятных леденцов с горкой. Айрис, приходившая убираться трижды в неделю, звала ее Мисс Америка и давала поносить свои серьги-клипсы, пока занималась домом.

«Бетти – добрая и прилежная ученица, у нее много друзей», – написала мисс Киз в таблице успеваемости за четвертый класс ровными синими буквами. «Бетти – талантливая и музыкальная девочка, хорошо попадает в ноты», – сообщила родителям миссис Ламберт, учительница музыки. К пятому классу двое мальчиков поцеловали ее в раздевалке, а третий целую неделю таскал ее портфель; на зимнем концерте Бет-

ти досталась сольная партия, и она в одиночку спела целый куплет «*Зимней страны чудес*».

Бетти нравилось быть девочкой. Она обожала юбки, которые развевались, когда она кружилась, ей нравилось, как смотрятся чистые белые носочки с черно-белыми кожаными туфельками. Она пришла в восторг от браслета с подвесками, подаренного на день рождения. Пока подвесок было только две: крошечная Эйфелева башня и маленькая собачка, но на Хануку родители наверняка подарят еще какие-нибудь.

Среди учеников Бетти тоже пользовалась популярностью, поэтому ничуть не удивительно, что она записалась на роль царицы Эсфирь, едва объявили прослушивания для пьесы на Пурим.

В еврейской школе каждый год ставили одну и ту же пьесу, и Бетти знала ее наизусть: давным-давно в царстве Шуш один не очень умный царь отослал свою жену в изгнание после того, как она его ослушалась, и понял, что нужно искать замену. Он устроил конкурс красоты, чтобы найти самую красивую девушку в своей стране и жениться на ней. («Разве это не глупо?» – спросила Джо, и Сара ответила: «Тогда было так принято».) Победила красавица по имени Эсфирь, чья огромная тайна заключалась в том, что она еврейка, о чем царь не знал. Став царицей, Эсфирь подслушала, как Аман, злобный советник царя, надоумил его убить всех евреев. Тогда Эсфирь открыла мужу-царю свою тайну, и поскольку тот

ее любил, то изменил свое решение – помиловал евреев и вместо них казнил злодея Амана.

Ролей для мальчиков в пьесе хватало: глупый царь, чье имя, Агасфер, похоже на звук чиханья, и Мардохей, кузен Эсфири, который уговорил ее принять участие в конкурсе, и потом, когда она вышла замуж за царя, сказать ему правду, и злодей Аман, которого всегда играл мальчик с нарисованными черными усами. Всякий раз, слыша имя Амана, зрителям следовало свистеть, неодобрительно кричать, топтать ногами или трясти гроггерами – самодельными шумелками, сделанными из скрученных в трубочку бумажных тарелок, наполненных чечевицей и закрепленных степлером.

Сыграть царицу Эсфирь мечтали все девочки, но уже два года подряд роль доставалась Шерил Голдфарб, которая училась в шестом классе. Ее отец был адвокатом, и Шерил жила в огромном доме в Шервуд-Форест, где селились самые богатые еврейские семьи Детройта. Сама Бетти никогда там не бывала, зато ее подруга Барбара Симоно рассказывала, что у Шерил – двуспальная кровать с розовым покрывалом и плюшевым медведем чуть ли не с нее ростом. Дважды в неделю Шерил брала уроки танцев в «Академии танца» мисс Вики на Вудворт-авеню (Бетти умоляла маму разрешить ей заниматься чечеткой или балетом, Сара лишь вздыхала, гладила Бетти по голове и говорила, что, может быть, в следующем году). Шерил носила белую шубку и муфту из кроличьего меха, и всякий раз, проходя мимо в гардеробе, Бетти быст-

ро проводила по ней рукой, думая о том, насколько та мягче ее колючего серого пальто. В этом году Шерил хорошо выступила на прослушивании, однако Бетти проявила себя гораздо лучше. Она выучила наизусть каждую строчку пьесы и даже расплакалась в сцене, где Эсфирь падает на колени, признается царю Агасферу в том, что она еврейка, и умоляет сохранить жизнь ее народу. «Пусть мы и называем бога по-разному, все мы – его дети», – проговорила Бетти, и у нее потекли слезы. Чарли Фарбер посмотрел на нее сверху вниз с тревогой.

Когда вывесили список актеров, лицо Шерил побагровело от злости.

– Эсфирь должна играть я! – раздался вопль из-за двери класса миссис Джейкобс. – Я старше, чем она!

– Из тебя получится чудесная царица Астинь, – заверила ее миссис Джейкобс.

Астинь была первой женой царя, той самой, которой пришлось отправиться в изгнание после того, как она отказалась развлекать двор. Других женских ролей в пьесе не предполагалось. Девочка, игравшая Астинь, обычно танцевала в длинном черном парике, как у Элизабет Тейлор в роли Клеопатры, и густо подводила черным глаза. Шерил следовало радоваться, но она заорала еще громче:

– У царицы Астинь всего одна реплика! Одно слово! Это нечестно! – Похоже, она расплакалась.

«Лучше бы старалась на прослушивании», – подумала

Бетти, представляя, как будет смотреться на сцене с завитыми локонами и в короне из золотой фольги.

Ученики репетировали пьесу для Пурима несколько недель. Утром праздника Бетти переволновалась и не смогла съесть ни кусочка. «Ты сыграешь великолепно», – заверила ее мать, нанося на щеки румяна, смачивая изогнутую щеточку, намазывая ее черной тушью и проводя по ресницам Бетти. В белом шелковом платье со сверкающими серебряными блестками, которое хранилось в шкафу синагоги и пахло нафталином, Бетти казалась себе очень красивой и очень взрослой.

Перед тем, как ехать в школу, отец тайком положил в багажник букет гвоздик. «Ни пуха ни пера!» – прошептала мама. «У тебя все получится!» – ободрила Джо. За кулисами на Бетти сердито зыркнула Шерил в красном платье царицы Астинь, но Бетти было все равно. Пока миссис Джейкобс называла актеров, она репетировала поклоны, улыбалась и представляла, как зрители будут хлопать после ее песни.

– Давным-давно в далекой-предалекой стране Шуш жили царь и царица, – начал рассказчик, Дональд Гиттер.

На сцену вышел Чарли Фарбер в коричневом костюме, похожем на отцовский банный халат, и в короне из фольги.

– Царицу звали Астинь, и однажды она не подчинилась приказу развлекать царских гостей, – продолжил Дональд. Это был намек на первую реплику Чарли.

– Танцуй! – повелел царь. – Или тебе придется уйти.

Рассказчик объявил:

– И, ко всеобщему изумлению, царица Астинь ответила...

Чарли выжидательно повернулся к Шерил, которая должна была выйти и сказать свою единственную реплику: «Нет!» Вместо этого Шерил пружинящей походкой вылетела на сцену, одарила Чарли широкой фальшивой улыбкой и промолвила:

– Как пожелаешь, мой повелитель!

А потом, когда царский двор и пришедшие на спектакль родители, братья и сестры актеров потрясенно уставились на нее, Шерил начала танцевать. Бетти не могла не признать, что Шерил не зря берет уроки танцев. Подняв руки над головой, Шерил подпрыгнула и покружилась, прошлась по сцене волчком и отскочила назад. Несколько раз махнув ногой, она сделала плие, посучила ногами, как в степе, и завершила свое выступление высоким прыжком, из которого плюхнулась в шпагат, неуклюже растянувшись на полу прямо перед царем Агасфером.

– Гм, – промычал Чарли.

Следующая его реплика должна была звучать так: «Коли не желаешь повиноваться, убирайся долой с моих глаз!» Вот только Астинь очень даже повиновалась и теперь преданно смотрела на него, раскрасневшись от прыжков по сцене и тяжело дыша в своем длинном красном платье.

– Видал? – спросила она. – Я станцевала, так что другая жена тебе не нужна!

По залу прокатился смех, и Бетти пришла в голову ужасная мысль: Шерил пытается затмить конкурентку! Бетти слышала это выражение миллион раз, однако понятия не имела, что оно значит. «Я не позволю ей украсть мой праздник!» – подумала Бетти. Задрав голову в золотой короне, она уверенно вышла на сцену, схватила Шерил за плечи и рывком подняла ее с пола.

– Короли не любят показухи. – Бетти улыбнулась Чарли. Тот в замешательстве поглядывал за кулисы, ожидая указаний. – Прогони ее! – прошептала Бетти, должно быть, слишком громко, потому что зрители в первом ряду засмеялись.

– Гм, – сказал Чарли.

Раскрасневшаяся Шерил уперла руки в боки и заявила:

– Я – его жена, и он меня любит!

Повернувшись к Чарли, она добавила:

– Я станцевала, так что она тебе не нужна!

– Гм, – повторил Чарли.

– Я – самая красивая девушка во всем царстве! – напомнила ему Бетти. Хвастовство в чистом виде, конечно, хотя настоящая Эсфирь действительно выиграла конкурс красоты, и Бетти не могла придумать, как еще убрать задаваку Шерил со сцены.

Наконец Чарли решил действовать. Подняв свой посох, он звучно объявил:

– Царица Астинь, я изгоняю тебя из Шуш!

– Как же так? – спросила Шерил. Чарли промолчал, и она

продолжила: – Ты велел мне танцевать для двора, и я станцевала.

«Похоже, все зависит от меня», – подумала Бетти.

– Король тебя изгнал! – воскликнула она, толкнув Шерил. – Не важно почему! Ты должна делать, как он велел!

Теперь уже хохотали все зрители, и Бетти подумала: хорошо, что они смеются не надо мной.

– Не смей жениться на Эсфире! – завопила Шерил, хватая Чарли за рукав халата. – Она тебе лжет! – Царица Астинь набрала побольше воздуха, и Бетти поняла, что та сейчас скажет. – Эсфирь – еврейка! – выпалила она.

– Подумаешь! Ты тоже, – парировала Бетти.

Сидевший в первом ряду чей-то отец громко хохотал, держась за живот. Несколько матерей утирали слезы платками, старшая сестра Бетти покраснелась от веселья.

В углу сцены миссис Джейкобс подавала Шерил отчаянные знаки.

– Ладно! – вскричала Шерил, тряхнув волосами. – Но ты еще пожалеешь!

Задрав подбородок, царица Астинь протопала за кулисы. Зрители начали аплодировать, и, хотя этого в сценарии не было, Бетти подхватила подол и изящно поклонилась.

Когда спектакль закончился, Бетти с родителями и сестрой шли по парковке, и Джо хихикала, вспоминая лучшие моменты.

– Интересно, царица Астинь и в самом деле сказала: «Ты

еще пожалеешь»?

Бетти держала в руках букет гвоздик. Она словно парила, а не шла. Никогда в жизни она не была так счастлива. И вдруг, почти возле самой машины, Бетти увидела отца Шерил, мистера Голдфарба, стоявшего, скрестив руки на груди.

– Кен! – Сара коснулась плеча мужа, потому что мистер Голдфарб шагнул им навстречу. Роста он был невысокого, зато костюм на нем чуть ли не лопался, и лысина буквально пылала от ярости.

– Думаешь, ты крутая? – спросил он громким сердитым голосом, тыча в Бетти пальцем. – Взяла и унизила мою Шерил перед всеми...

Бетти отпрянула. Кен шагнул вперед и загородил ее собой.

– Думаю, ваша дочь унизила себя сама, – заметил он очень спокойным голосом.

– Шерил пять лет берет уроки чечетки и классического танца, – заявил мистер Голдфарб. – Она должна была играть большую роль!

– Думаю, зрители оценили ее танец, – мягко проговорил отец Бетти.

– Дело вовсе не в этом! – завопил мистер Голдфарб, брызжа слюной.

– Возможно, ей следовало сыграть царицу Эсфирь. На прослушивании я не был, поэтому сказать наверняка не могу. Зато я скажу вам вот что... – Бетти затаила дыхание. Отец заботливо обнял ее за плечи. – Моя дочурка в этой роли бы-

ла великолепно!

Мистер Голдфарб пробормотал еще что-то о пристрастности и уроках танцев, напоследок бросил на Бетти ядовитый взгляд и зашагал прочь.

– Не обращай внимания, – велел отец. – Ты сыграла очень хорошо и очень забавно. Ну кто хочет заглянуть в *Saunders* и покушать мороженого?

Оказалось, что хотят все.

1960. Джо

– Поверить не могу, что ты это сделала! – воскликнула Джо, трусая по беговой дорожке.

– Еще как сделала, – самодовольно проговорила Линетт Боббек. – Вышло идеально. Он счастлив, а я сохранила девственность.

Это было в понедельник после обеда на уроке физкультуры, последнем в тот день. Одетые в мешковатые синие шорты и белые футболки школьницы занимались на свежем воздухе. Как правило, Джо узнавала о субботних приключениях подруги на следующий же день, но в то воскресенье мать разбудила их с Бетти рано утром. Сара завязала волосы платком и с еще более суровым лицом, чем обычно, объявила: «Весенняя уборка!», вручив дочерям по стопке тряпок и по бутылке чистящего средства. Джо достался стеклоочиститель *Windex*, Бетти – полироль *Endust*. Они пропылесосили все ковры и отмыли духовку, подмели гостиную и протерли полиэтиленовый чехол, который все еще прикрывал диван. Вечером отец повел их в китайский ресторанчик *Shangri-La* и накормил жареным рисом со свиными ребрышками.

– И как на вкус? Очень мерзко? – спросила Джо.

– Дурочка, ее же не глотают! – заметила Линетт, заходя на вираж.

Последние полчаса они нарезали круги вокруг поля под

равнодушным взглядом мистера Кранца, учителя физкультуры, который тренировал футбольную, баскетбольную и бейсбольную команды мальчиков и терпеть не мог заниматься с девочками. Майское солнце приятно согревало голые ноги, редкие порыва ветра осыпали их лепестками кизила.

– Во-первых, в ней миллион калорий. – У невысокой и пышногрудой Линетт были карие глаза и молочно-белая кожа, которая мигом розовела, стоило ей разволноваться. Линетт очень следила за фигурой и каждый раз, когда подружки отправлялись куда-нибудь вдвоем или шли с ребятами на двойное свидание, заказывала салат, диетический творог или гамбургер без булки и минеральную воду. Джо считала своим долгом взять картофель фри и молочный коктейль с сиропом. Подруга украдкой таскала с тарелки Джо картошку и совала свою соломинку в ее стакан.

– И много ее было? – Джо невольно представила садовой шланг, который вырвался из рук и разбрызгивает воду на всю улицу.

Линетт пожала плечами:

– Не знаю. Я ее просто выплюнула.

– Куда? – поинтересовалась Джо. – Прямо на него? – Она так и видела Линетт с Бобби на заднем сиденье *Lincoln Continental* ее отца – лифчик Линетт задран до шеи, брюки Бобби спущены до лодыжек, пенис покачивается как яблоко в карамели на палочке. Джо понизила голос до шепота: – А он сделал тебе то же самое?

– Фу! – возмутилась Линетт. – Боже упаси! Я бы не позволила такое ни одному мальчишке!

– Ну сама-то ты это сделала, – заметила Джо.

– Это не одно и то же, – ответила Линетт. – К тому же я сомневаюсь, что так вообще можно.

Джо подумала, что это несправедливо, но промолчала.

– И как тебе?

Линетт сжала губы. Она красила их помадой оттенка «зимняя вишня», а свои короткие волосы тщательно завивала. Джо иногда казалось, что все остальные девочки в школе Беллвуд похожи на белок – упитанные, лоснящиеся зверушки, снуют туда-сюда, машут пушистыми хвостами, беззаботно скачут по деревьям. На их фоне она чувствовала себя вороной – большой, неуклюжей неудачницей, которая хлопает крыльями, сидя на линии электропередач, и распугивает белок. При росте пять футов восемь дюймов Джо была выше почти всех одноклассниц и даже одноклассников. Тело тощее и угловатое, ноги длинные и крепкие благодаря годам беготни по баскетбольной и теннисной площадке, грудь едва дотягивает до второго размера. На поле с мячом или на корте с ракеткой Джо смотрелась вполне грациозно, именно там она чувствовала себя наиболее комфортно.

Джо подружилась с тремя темнокожими старшеклассниками, которые пришли в команду недавно. Озорные близняшки Ладонна и Ладреа Мур – быстрые и гибкие, со смуглой кожей в веснушках, с белозубыми улыбками, с заплетен-

ными во французские косы волосами, были ниже Джо и напоминали ей старую подругу Фриду. Вернита Клинкскейл, чья семья переехала в Детройт из Северной Каролины годом ранее, имела отчетливый южный акцент и рост около шести футов, прямые черные волосы до плеч и носила золотой крестик на цепочке, который целовала всякий раз перед штрафным броском.

Чернокожие составляли менее четверти учеников школы и, по негласному правилу, за ланчем садились отдельно от всех, однако для товарищей по команде действовало послабление, и Джо к ним присоединялась, если их с Линни перемены на ланч не совпадали. Она слушала болтовню Верниты о своем парне, оставшемся в Северной Каролине, и рассказы Ладреа с Ладонной, которые ходили в церковь, где был проповедником отец известной певицы Ареты Франклин, и встречали саму Арету и Розу Паркс. Знаменитая активистка перебралась в Детройт после того, как ее арестовали за отказ пересест в заднюю часть автобуса в городе Монтгомери, штат Алабама.

– Роза Паркс сказала так: «Люди решили, что я не уступила место белому потому, что устала, но это неправда», – сообщила Ладреа, – на самом деле...

И тут вмешалась ее сестра:

– Она устала уступать!

– Ух ты! – Джо попыталась представить себя на месте отважной Розы Паркс, которая не побоялась ни ареста, ни

тюрьмы. – Могу поспорить, здесь ей живется гораздо лучше, чем на юге.

Чернокожие девочки переглянулись.

– В чем дело? – не поняла Джо.

– Ты правда так думаешь? – спросила Ладреа, подняв брови. – Сколько, по-твоему, белых проживает в нашей многоэтажке?

– Или на нашей улице, – добавила Ладонна.

– И сколько белых ходит в школу, где учится наш младший братишка?

– Хм-м...

– Ни одного! Ноль! В Детройте такая же сегрегация, как и на юге. Разница лишь в том, что здесь законы мягче.

Джо откусила морковку, вспоминая руки матери у себя на плечах, свою восьмилетнюю попку на покрытом полиэтиленом диване. «Одного полета птицы должны стаями водиться».

– Это нечестно! – заявила она.

Девочки снова обменялись взглядами. Ладонна закатила глаза. Ладреа цыкнула сквозь зубы.

– Давайте сменим тему, – предложила Вернита. – У меня от вас голова разболелась! К тому же после обеда нам еще полосу препятствий бежать. – Она подалась вперед, сверкнув крестиком на шее, и указала на лимонный пирог, который Джо принесла из дома: – Будешь?

Джо протянула ей свой десерт, размышляя о Мэй и Фри-

де.

– Это не честно, – повторила она, но тут прозвенел звонок, и все побежали на урок.

В раздевалке после занятия к Джо подошла Ладреа.

– Знаешь, если ты действительно хочешь что-нибудь сделать...

– Хочу, – кивнула Джо.

– Каждую субботу у бассейна «Кристалл», на углу Гринфилд-стрит и Эйт-Майл, проходят пикеты. В этом бассейне разделяют посетителей по расовому признаку. Из наших на пикеты много кто ходит. – Она смотрела на Джо, и ее лицо было непроницаемо. Под мышкой – баскетбольный мяч, из косички выбилась прядь волос. – Мы встречаемся здесь, у школы, в десять часов и едем туда.

Джо кивнула. Сердце громко стучало в груди. Мать вряд ли бы ее одобрила. Сара с Кеном верили в интеграцию и считали, что все могут жить где угодно, и черные, и белые. «Евреев самих слишком притесняли, чтобы они поступали так с другими», – говорил отец Джо. Однако он же переехал на другой конец города лишь потому, что старый район начал «меняться». Теперь Джо достаточно подросла и понимала, что там стали селиться темнокожие. Ее мать высказывалась еще более недвусмысленно: «Не нарывайся на неприятности» и «Не вороши осиное гнездо».

В субботу утром Джо встала пораньше и сообщила Саре, что пойдет в школу потренировать штрафные броски.

– К четырем будь дома, – предупредила мать, не глядя на нее.

Джо села на велосипед и поехала в школу.

– Не думала тебя здесь увидеть, – удивилась Ладонна, а Ладреа сказала:

– Тебе понадобится плакат.

Пришло с десятков учеников, и черных, и белых, с картонными плакатами, на которых черной краской было написано: «Равенство сейчас», «Интеграция», «Свобода и справедливость для всех».

Джо собралась с духом и макнула кисточку в краску.

– А Вернита придет? – спросила она, выводя слово «равенство» и надеясь, что получится ровно.

Ладонна презрительно махнула рукой с длинными ногтями, которая так ловко хватала баскетбольный мяч:

– Забудь о ней!

Джо поехала с сестрами Мур на их *Mercury* пятьдесят девятого года. Она ходила по кругу перед сетчатым ограждением бассейна, мимо проезжали машины. Некоторые сигналили в знак поддержки, большинство не обращали на пикетчиков внимания. Когда все закончилось, она встретилась с Линетт в салоне красоты, где той мыли и укладывали волосы.

– Чем занималась сегодня? – спросила Линетт, прикрыв лицо пластиковым веером, пока помощница парикмахера заливала ее кудри лаком *Elnett* от макушки до кончиков, вившихся у самых щек.

– Да так, ничем, – ответила Джо.

Порой Джо казалось, что она нравится Линетт именно из-за своей долговязости и нескладности. Рядом с подружкой Джо смотрелась как гадкий утенок рядом с лебедем. У них было не так уж много общего. Джо прекрасно училась, Линетт с трудом справлялась с учебой, особенно с математикой. Джо занималась спортом, Линетт сразу задыхалась, если тренер Кранц заставлял ее раз в году пробежать четверть мили. Линетт обожала наряжаться, ходить по магазинам, обсуждать новые покупки и с удовольствием рассказывала, что еще хочет купить или надеть в следующий раз, Джо просто хватала с вешалки первые попавшиеся вещи. Объединяла их страсть к веселым проделкам и всяческим проказам. Впервые Линетт напоила Джо в десятом классе, когда обеим было по пятнадцать, и Джо убедила подружку прогулять школу. Они пробрались в Сарину машину с мальчиком, к которому Линетт в то время питала нежные чувства, и отправились в боулинг, где заказали кучу пива и картошки фри и смеялись над своими одноклассниками, застрявшими в школе на собрании болельщиков спортивной команды. Линетт вздыхала, завидуя стройной фигурке Джо («Хорошо тебе – можешь носить что угодно»), Джо отдавала должное формам подружки, хотя та и расстраивалась из-за своих полных бедер и якобы двойного подбородка. Линетт научила Джо курить, та ее – плавать, и они делились почти всем, кроме все более частых снов Джо о том, как на одной из еженедельных ночевок

друг у друга в гостях Линни ложится в постель не в шелковой ночной рубашке, как обычно, а без нее.

– Значит, Бобби хочет идти до конца? – спросила Джо.

– Пробовал залезть мне под юбку, но я велела ему даже не пытаться. – Линетт погрозила пальцем перед лицом вообразаемого Бобби: – Я сказала: «Мистер Бобби Карвер, не раньше, чем на моем пальце появится кольцо!» – Она коснулась перстня выпускника, который носила на шее, словно уверяя себя в серьезности намерений Бобби и в том, что в будущем на смену одному кольцу придет другое.

– Тебе понравилось? – спросила Джо.

Линетт задумчиво склонила голову набок.

– Похоже на чистку зубов, – наконец призналась она. – Или даже нет, не совсем. Скорее как хлопанье в ладоши. Хлоп-хлоп, хлюп-хлюп, и все кончено. – Под кроссовками захрустел гравий. – Не знаю, – вздохнула Линетт. – Понимаешь, приятно было видеть, как он возбудился, и знать, что я произвожу на него такой эффект. Хотя лично я почти ничего не почувствовала. – Она снова вздохнула. – Может, настоящий секс будет лучше.

– Наверное. – Джо втайне испытала облегчение, что Линетт не получила удовольствия, обслуживая Бобби Карвера.

Подруга приняла нейтральный тон Джо за досаду из-за отсутствия у нее личной жизни.

– Тебе тоже повезет, – заверила она, потрепав Джо по плечу. – Ты обязательно встретишь подходящего парня!

Джо пожала плечами. Она встречалась со многими парнями, обычно на двойных свиданиях с Линетт. В кинотеатре *Redford* или *Senate* мальчики клали руку на спинку ее кресла, потом как бы ненароком обнимали за плечи. В ресторане для автомобилистов *Bel-Air* они пытались затащить ее на заднее сиденье, на школьных танцах приглашали подышать свежим воздухом, но их потные ладони и прохладные слюнявые рты оставляли Джо, мягко говоря, равнодушной.

– Ты когда-нибудь... – начала Линетт, бросив на нее взгляд из-под кудрявой челки, и покраснела. – Ты когда-нибудь себя трогала?

– Иногда, – ответила Джо, убедившись, что одноклассники их не слышат. Пару раз, прикрепляя к трусикам гигиеническую прокладку, она проводила пальцами по мягкому треугольнику волос, выросших между ног. На его вершине Джо обнаружила маленький участок, от прикосновения к которому по телу разбегались приятные волны и твердели соски. Ощущения были настолько сильными, что она пугалась и сразу убирала пальцы. Джо посмотрела на подругу, собираясь с духом. – А ты?

Накрашенные губы Линетт изогнулись в лукавой улыбке. Заговорила она так тихо, что Джо едва расслышала.

– Прошлым летом я ездила в лагерь «*Тануга*», – начала она. Джо придвинулась ближе, плечи их соприкоснулись. – И я очень понравилась одной из вожатых.

Джо кивнула, ничуть не удивившись: Линетт нравилась

всем. Вдруг до нее дошло, что именно Линетт имела в виду, и жутко покраснела, на этот раз – от ревности.

– У нее была одна штучка, которую она дала мне поиграть.

– Какая? – спросила Джо. – Что она тебе дала? – Джо ревновала к вожатой, злилась, что Линетт так долго ей ничего не рассказывала, и отчаянно хотела, чтобы та продолжала.

– Не скажу! – хихикнула Линетт, густо покраснев. – Я тебе лучше покажу! Приходи ко мне после школы, – с дерзкой улыбкой прибавила она, – и я изменю твою жизнь!

Прежде Линетт жила в таком же доме, как и Джо. Потом ее отец, работавший в бухгалтерской фирме в Детройте, получил повышение, и семья переехала в огромный дом – шикарный особняк из красного кирпича в стиле Тюдоров на четыре спальни, с цокольным этажом и с апартаментами для родителей хозяев. В доме Боббеков была кухня с двумя духовыми печами и кремовыми столешницами из жаростойкого пластика, гостиная с кирпичным камином и огромным цветным телевизором, специальным освещением и картонным столиком с мягкими креслами, где миссис Боббек играла в бридж. На цокольном этаже стены были обшиты сосновыми панелями, стоял бильярдный стол и бар с напитками. Линетт собиралась устроить там вечеринку в честь окончания школы.

Подруги прошли мимо кухни, куда обычно заглядывали после школы перекусить (яблоками, если Линетт сидела на

диете, и тостами с корицей, если нет). Они отправились напрямиком в комнату Линетт, обклеенную бело-розовыми узорчатыми обоями, с комодом, книжным шкафом и тумбочкой из крашенного белой краской дерева и кружевным балдахинном над двуспальной кроватью. Линетт заперла дверь, хотя дома никого не было – оба ее брата после занятий отправились в клуб для мальчиков, отец работал в конторе, мать, как всегда, во второй половине дня занималась волонтерством в еврейском Доме престарелых. Джо изумленно наблюдала, как подруга взяла белый крашеный стул, стоявший перед письменным столом, и подперла им дверную ручку. Затем Линни подошла к проигрывателю и включила пластинку Конни Фрэнсис. Наконец, она сунула руку под матрас и достала какую-то штуку, похожую на ручную взбивалку для яиц, только с электрическим шнуром и вилкой. Вместо пружинки жесткий коричневый корпус оканчивался твердой резиновой насадкой.

– Что это? – спросила Джо.

– Вибратор! – шепнула Линетт.

Джо удивилась, что игрушка для сексуальных утех по форме напоминает не пенис, а кухонный прибор.

– И он для?.. – Джо указала на нижнюю часть своего тела.

Линетт кивнула в ответ.

– Карла, моя вожатая, объяснила нам, как им пользоваться. Мы с девочками решили, что будем брать его по очереди. Играешь с ним две недели, потом посылаешь по почте сле-

дующей по списку.

Внутри у Джо все сжалось, внизу живота заныло, между ног запульсировало. Ей захотелось обхватить подругу за округлые, прикрытые шелковым кашемиром плечи и поцеловать. Джо предчувствовала, что губы Линетт – вовсе не слюнявые и безвольные, а упругие и сладкие, и вместо легкого отвращения она ощутит радостное наслаждение. Интересно, вожатая Карла целовала Линетт? «Я ее убью!» – подумала Джо, чувствуя, как ревность борется с желанием, как ее охватывает стыд, ведь по идее она не должна относиться подобным образом к лучшей подружке или к любой другой девушке.

– Смотри! – воскликнула Линетт, разматывая шнур и подключая машинку к сети.

Сердце Джо бешено колотилось.

– Не знаю, стоит ли, – хрипло проговорила она. – Вдруг это вредно или опасно?..

Линетт покачала головой, развеселившись.

– погоди, скоро сама поймешь, как это здорово! – Она щелкнула выключателем, резиновая чашечка зажужжала и завибрировала, причем так быстро, что движение было почти незаметно. Представив, как наконечник вибратора прижмет к ней, Джо содрогнулась от предвкушения.

– Ты точно заперла дверь? – прошептала Джо.

– Да точно, точно, – заверила ее Линетт, села на кровать и откинулась на грудь подушек. – Неужели ты никогда не

занималась ничем с мальчиком? Совсем ничем?

Джо покачала головой. В полутьме говорить правду было легко.

– Как насчет Леонарда? – спросила Линетт.

Леонард Вайс был единственным, с кем Джо встречалась долго – целых четыре месяца баскетбольного сезона. Джо была центрфорвардом в команде девочек, Леонард – защитником в команде мальчиков. Джо иногда думала, что причина, по которой она так долго оставалась с Леонардом, – его высокий рост. Рядом с ним ей нравилось чувствовать себя маленькой, нравилось, как он нагибается, чтобы ее поцеловать. При этом она не испытывала практически ничего, как и со Стэном, Дональдом и Полом. Вкус чужой слюны во рту, зубы стучатся друг о друга... Ей хотелось оттолкнуть его и броситься в горячий душ, прихватив по дороге флакон «Листерина».

– Я уже рассказывала тебе про Леонарда, – напомнила Джо. – Позволила ему залезть ко мне под свитер, и ничего больше.

– Под лифчик или сверху?

– Под. Один раз. – Джо поморщилась, вспомнив, как Леонард играл с ее сосками, сжимая и пощипывая их, словно те были крошечными ртами, которые он пытался закрыть.

Линетт широко распахнула глаза, притворно ужасаясь отваге Джо, и озорно улыбнулась.

– Ложись!

– Я думала, это будет наглядная демонстрация, – с деланной небрежностью подначила Джо.

– Так мне показывала Карла. – На лице подруги промелькнуло сомнение. – Или ты не хочешь?

Джо хотела этого больше всего на свете, однако старалась не подать виду.

– Если уж я решила стать писателем, то опыт мне понадобится, – заявила она и медленно откинулась на подушки, стараясь не отпугнуть Линетт излишней поспешностью.

– Снимай штаны.

Джо закрыла глаза, чтобы не видеть лица подруги, стянула джинсы, которых ее мать терпеть не могла, потому что якобы в них она выглядела как шахтер, и осталась в простых белых хлопчатобумажных трусиках. Ноги у Джо были гладкие – утром она побрилась – и уже успели загореть на весеннем солнышке. Линетт провела по ее животу пальцами, тот сжался и затрепетал от предвкушения. Ощутив на бедре, чуть выше колена, гудящую резиновую чашечку, Джо ахнула и резко села.

– Щекотно! – воскликнула она, предчувствуя, что в другом месте ей будет не щекотно, а очень, очень приятно.

Линетт улыбнулась, перевернула диск набок и провела линию по внутренней стороне бедра Джо. Она мучительно медленно двигалась к кромке белья, потом возвращалась назад. Джо извивалась, Линетт продолжала водить вибратором вверх-вниз, все ближе придвигаясь к трусикам, которые на-

верняка промокли насквозь. Джо гадала, заметила это подруга или нет. Ей хотелось что-нибудь сказать – прошу тебя! – или взять ее за руку и подвинуть вибратор в нужное место, и тут Линетт провела чашечкой по животу, пока он не уткнулся туда, где начинались лобковые волосы. Джо сжала кулаки и закачала бедрами вверх-вниз, отчаянно желая, чтобы Линетт направила жужжащую чашечку куда нужно. На висках и на пояснице выступил пот, шумное дыхание девушки едва не заглушало пластинку Конни Фрэнсис.

– Нравится? – охрипшим голосом спросила Линетт.

– Да! – выдавила Джо.

– Хочешь, чтобы я продолжала?

Джо кивнула, не решаясь заговорить. Она вцепилась в покрывало обеими руками, широко расставив ноги.

– Ладно, – сказала Линетт и направила край чашки ниже трусиков – в то место, которого пальцы Джо касались во время мытья, в то место, которое она никогда не позволяла себе трогать ни в спальне, ни в душе.

Эффект был потрясающий. Тело Джо выгнулось на кровати дугой. Ногти вцепились в покрывало, и она резко выдохнула, почти всхлипнула.

– Здесь? – спросила Линетт, очень довольная собой.

Джо взяла руку подруги и чуть-чуть изменила угол наклона чашки. По животу и между ног разлилось тепло и восхитительное возбуждение, грозившее ее захлестнуть. Она почувствовала, как напряглось все тело, готовясь к какому-то

бесподобному расслаблению.

– Ох! – произнесла она надтреснутым голосом, приподняв бедра. Не раздумывая, почти не осознавая, что делает, Джо обхватила свою лучшую подругу за шею обеими руками и притянула к себе. Они соприкоснулись телами и губами. «Сейчас Линни даст мне пощечину», – проскользнула смутная мысль. Зажатый между ними вибратор, направленный под идеальным углом, глухо гудел. Волны наслаждения окутывали тело Джо. Пальцы сжались, ноги сомкнулись, мышцы задрожали. Губы Линетт оказались такими же сладкими, как Джо и предчувствовала, язычок – горячим, энергичным и необходимым ей сейчас как воздух. Бедро Джо дернулось вверх раз, другой, третий, и наконец девушка содрогнулась в мощном экстазе. Ее охватило острое и сладкое, почти невыносимое блаженство.

Джо откинулась на подушки, тяжело дыша, к ней прильнула Линетт – раскрасневшаяся, нежная, ароматная. «Сейчас, – подумала Джо. – Сейчас она меня прогонит». Между тем Линетт довольно посмеивалась и вовсе не спешила ее отпускать. Склонившись над полураздетой подругой, чтобы взглянуть на часы на комод, она сказала:

– До прихода моих еще целый час.

Джо кивнула. Немного отдышавшись, она повернулась к Линетт, прижала ее руки над головой и быстрым движением стянула с нее юбку. Девушка одобрительно взвизгнула, вовсе не пытаясь вырваться. Джо нашарила жужжащую машинку

и уселась на подругу, обхватив ее ногами.

– Если делаю неправильно – скажи! – попросила она и взялась за дело.

Ей хотелось, чтобы Линетт затопили те же волны экстаза, чтобы она качала бедрами и дрожала, вздыхала и хватала воздух ртом, сжимала кулаки и краснела, а ее тщательно завитые локоны растрепались. Через пять минут Линетт стиснула плечи Джо, зажмурившись и шумно дыша. Еще через минуту Линетт притянула Джо к себе и, не открывая глаз, прошептала:

– Ни за что не отдам эту штучку другой девчонке!

Бетти

Ясным июньским днем вернувшись после катания на роликах с друзьями Бетти удивила стоявшая в доме тишина. Из кухни не доносился запах жареной курицы или запеканки с тунцом (Сара давно отказалась от чолента, традиционно-го еврейского рагу, и начала готовить в Шабат, заявив, что ей надоело быть старомодной, намывать по два комплекта посуды и следовать всем правилам). Отец не встретил Бетти на подъездной дорожке, хотя обычно по субботам он мыл машину. Мать сидела в гостиной на диване, что было очень странно.

– Говори потише, – прошептала она, не успела Бетти и рта открыть. – У папы живот расстроился.

Бетти поморщилась. В доме была всего одна ванная с маленьким окном, выходившим на задний двор, и шумным вентилятором на потолке, который просто гонял воздух, ничуть его не очищая. Сара держала на подоконнике коробок спичек и баллончик аэрозоля *Lysol*, но если у кого-то из них, по деликатному выражению матери, «расстраивался живот», то воняло во всем доме.

– Кен? – окликнула Сара из коридора, растягивая имя до двух слогов, повышая голос на втором: «Ке-ен?» – Дорогой, ты будешь обедать?

Кен не ответил. Двадцать минут спустя подруга Джо, Ли-

нетт, высадила сестру Бетти у дома.

– Что происходит? – спросила Джо, влетая в дом в голубых баскетбольных шортах и синей футболке. Линетт тем временем сдавала назад, едва не зацепив родительской машиной почтовый ящик Штейнов, в который уже дважды врезалась. Бетти объяснила сестре ситуацию, пока мама стояла перед ванной и пыталась добиться ответа от отца.

– На обед сегодня мясной салат с помидорами, яйцами и сыром. Что скажешь? – Сара с встревоженным видом отправилась на кухню. – Бетти, может, ты до него достучишься?

Бетти не требовалось просить дважды. На вечер у нее были большие планы: первое свидание с десятиклассником Дональдом Пауэрсом, казначеем ученического совета и членом молодежной организации школьников *Key Club*. Дональд собирался заехать за ней в семь и отвезти в кино на фильм «Кошка на раскаленной крыше». Без душа и зеркала Бетти бы не обошлась.

– Папа? – крикнула она, стуча в дверь и на всякий случай стараясь дышать через рот. В ответ – тишина. Ни слова, ни звука, ни вздоха.

Бетти постучала снова, уже громче.

– Папа! Папочка! – Пукни, если слышишь, подумала она, и закусила губу, чтобы не рассмеяться в голос.

– Ничего смешного тут нет! – заявила Джо.

Сестра нахмурилась, на ее лице застыло то же напряженное выражение полной сосредоточенности, что и перед

штрафным броском на баскетбольной площадке. И тогда Бетти встревожилась по-настоящему.

Джо сбегала в спальню и принесла проволочную вешалку. Она выпрямила изогнутый конец, вставила в скважину и повернула. Сара стояла рядом с Бетти, позади Джо. Замок щелкнул.

– Папа! – окликнула Джо и распахнула дверь. – Не смотри! – велела она сестре, но та встала на цыпочки и заглянула ей через плечо.

Отец сидел на унитазе в штанах, прислонившись спиной к стене. Лицо его было ужасного лилово-серого цвета, глаза закрыты. Еще до того, как завизжала мама, Бетти поняла, что отец мертв.

Сара с девочками вернулись из больницы только в десять часов. Джо открыла незапертую впопыхах входную дверь, и на пол упала записка от Дональда Пауэrsa, про свидание с которым Бетти совершенно позабыла. *«Похоже, мы с тобой не так друг друга поняли. Позвоню завтра»*. Бетти долго смотрела и не понимала ни слова, словно те написаны на незнакомом языке или присланы из другой эпохи. Она сложила записку, убрала ее в карман и пошла на кухню вслед за матерью и сестрой. Джо налила в чайник воды, зажгла конфорку, достала три кружки и пакетики с чаем.

Именно Бетти позвонила оператору и попросила вызвать «скорую». Джо пыталась делать отцу искусственное дыха-

ние, как их обеих учили в школе на уроках физкультуры. Медики, двое молодых людей в белых брюках и белых рубашках, велели ей выйти из комнаты и подняли тело Кена. Еще до того, как медики положили его на носилки и погрузили в машину – длинный белый *Cadillac*, удручающе похожий на катафалк, – Бетти догадалась, что все безнадежно. Они поехали следом за «скорой» в больницу, и им велели подождать в приемном покое. Джо, так и оставшаяся в кроссовках и шортах, беспокойно расхаживала по комнате взад-вперед. Бетти сидела на стуле в углу и придумывала истории: женщина, раскладывающая пасьянс, здесь потому, что ее дочь рождает, мужчина у торгового автомата привез сына, который прищемил руку дверцей машины. Сара расположилась на пластиковом стуле, скрестив ноги в лодыжках и положив сумочку на колени. Выглядела она совершенно нормально, если не смотреть ей в глаза. Когда молодой врач вышел и тихо сообщил матери скорбную весть, Бетти ожидала истерики, воплей и слез, однако Сара лишь кивнула, взяла сумочку и повела дочерей к машине.

Дома Сара неподвижно сидела за кухонным столом – лицо пустое, взгляд невидящий. Бетти вдруг поняла, что почти никогда не видела свою мать без дела. Если Сара не была на ногах, двигаясь от холодильника к плите, от плиты к столу – мыла посуду, готовила, складывала или гладила белье, – то непременно находила, чем занять руки. Бетти посмотрела сотни телевизионных передач, написала десятки сочинений

и решила тысячи математических задачек под бодрое шелканье материных вязальных спиц. Но в тот вечер Сара просто сидела перед блокнотом и ручкой без колпачка.

Джо разговаривала с матерью непривычно нежным голосом и задавала вопросы, которые Бетти и в голову бы не пришли. «Нет, – отвечала Сара, – никаких планов у нас не было. Мы собирались...». С тех пор как доктор опустился перед ней на колени и сказал: *«Мне очень жаль»*, голос матери постоянно прерывался на середине фразы. По пути домой Сара несколько раз начинала говорить что-нибудь вроде *«Я должна убедиться, что там хорошая еда...»* или *«Как вы думаете, папе понравилось бы...»*. Девочки ждали, но она так и не заканчивала предложение. Именно Джо пришлось позвонить в синагогу *Adath Israel*, в похоронное бюро и в газету, чтобы заказать некролог. Бетти смотрела, как мама пьет чай и слушает разговоры по телефону. «Простой сосновый гроб» и «Мы привезем костюм, галстук и его таллит». Потом Джо набрала Линетт. «Простите, что звоню так поздно, миссис Боббек, но мой папа умер, и... Если можно, позовите Линетт...» Ответа Бетти не расслышала, зато представила, как миссис Боббек сокрушенно вздохнула и пробормотала: «Конечно, милая, мне так жаль». Бетти хотела позвонить Барбаре Симоно, Лоре Окс или Дарлин Конти, затем решила сообщить им утром. «Я – девочка, у которой умер отец», – подумала она, примеряя новую личность словно пару туфель. Когда она падала, катаясь на роликах, папа об-

рабатывал ее царапины перекисью водорода. Когда ей нужно было подстричь ногти, папа сажал ее себе на колени и подстригал сам. Когда она совершала какую-нибудь провинность, он ее шлепал по *тухесу*; впрочем, даже его шлепки выходили почти нежными. И хотя обычно на машине с ним каталась Джо, время от времени отец привозил Бетти какое-нибудь угощение – кусочек шоколадного торта или фирменного кекса из кондитерской *Saunders*. «Я – девочка, у которой умер отец», – снова подумала Бетти. Интересно, было ли ему больно или страшно, понимал ли отец, что происходит?..

К двум часам ночи Сара уснула на диване в гостиной. Джо сняла с матери туфли, Бетти укрыла ее одеялом. Девочки по очереди почистили зубы и помылись, и Бетти гадала, трудно ли сестре находиться в ванной, как ей, или нет. Впрочем, выбора у них не было. Родители собирались пристроить к дому общую комнату или большую спальню с ванной, как Штейны из дома напротив, но так и не успели.

Бетти дождалась, пока Джо ляжет в постель, и прошептала:

– Что мы скажем людям про папу?

Джо повернулась набок.

– Ты о чем? – не поняла сестра. – Скажем, что умер. Хотя, наверное, все и так уже знают.

В понедельник утром они прикрепят к платьям черные ленты, и рабби разрежет их в знак утраты. Вернувшись с

кладбища, Сара поставит возле входной двери миску с водой и рулон бумажных полотенец, чтобы скорбящие вымыли руки, прежде чем войти в дом. Все евреи знают об этом обычае и объяснят тем соседям, кто не в курсе.

– Я о том, где именно он умер.

Пружины кровати заскрипели – Джо снова повернулась к сестре.

– Неужели ты думаешь, что люди станут об этом спрашивать?

– Могут. – Бетти успела представить, как отреагируют школьные друзья и одноклассники, с которыми она не дружила, если узнают, что папа умер на унитазах. Она знала, что страдает ерундой, и все же Бетти очень заботило чужое мнение, в отличие от Джо. Сестре хватало Линетт и подруг по баскетбольной команде, она спокойно носила затрапезные джинсы и старые отцовские рубашки, не заботясь о том, что о ней думают окружающие, а вот Бетти была другой. Ее чужое мнение очень даже тревожило. Если люди узнают, что Кен Кауфман умер в туалете, они будут смеяться.

– Давай скажем, что он умер на полу? В принципе, так оно и было, ведь он лежал на полу.

– Он лежал на полу после того, как санитары стащили его с унитаза.

Бетти вздохнула, гадая, откуда у Джо непоколебимая тяга к правде и почему она сама ее лишена.

– Ну, я скажу, что его нашли на полу.

– Говори, что хочешь, мне все равно! – заявила Джо дрогнувшим голосом.

– Как думаешь, мы справимся? – спросила Бетти, немного помолчав. – Я про деньги и все такое прочее.

О финансовых вопросах Бетти имела весьма смутные представления. Конечно, среди их знакомых были ребята из очень состоятельных семей (Шерил Голдфарб, к примеру), но и семья Бетти тоже жила в достатке. Каждое лето они ездили на озеро Эри и покупали новый *Chevrolet*, едва появлялась последняя модель. Теперь, после смерти отца, Кауфманы остались без дохода. Справятся ли они?

Пауза тянулась так долго, что Бетти едва выдержала.

– Наверное, – наконец проговорила Джо. – А как иначе?

Во время *шивы*, основного периода траура, первыми пришли мать отца, бабушка Элки, и его брат, дядя Мэл. Дядя Мэл с женой, тетей Шерли, их дочери Одри и Джоан и сын Донни – десяти, восьми и шести лет – остановились на пороге, передавая друг другу огромное блюдо с закусками, и вымыли руки. Тетя Шерли обняла Сару и спросила, чем ей помочь, дядя Мэл отвел свою мать в гостиную и усадил. Элки была крошечная, хрупкая, почти лысая и беззубая старушка. В тот день она надела свободное синее платье и шляпку с вуалью. Как и Бэббе, она знала только идиш. В тот день она вообще не говорила, просто сидела и плакала, а кузены смотрели на Джо с Бетти словно на животных в зверинце.

Дядя Мэл был на восемь лет моложе брата. Их родители покинули свой *штетл* в Польше, спасаясь от погромов тысяча девятьсот восьмого года. Они доплыли до Нью-Йорка, затем отправились в Детройт, где друг кузена Хаима Кауфмана пообещал ему работу. Бетти не понимала, как они могли бросить своего сына, оставив его на попечении родителей Элки, живших в соседнем *штетле*, ненамного безопаснее того, из которого бежали. Отец его работал поденщиком в Детройте и в конце концов накопил достаточно денег, чтобы переехать в свою собственную квартиру.

Прошло семь долгих лет, прежде чем они смогли вывезти Кена, которого на самом деле звали Кальман, в Соединенные Штаты. К тому времени, как он приехал, в семье родился еще один ребенок. Мэлвину дали американское имя, и он прекрасно говорил по-английски, без акцента, который всегда выдавал приезжих в его родных. Насколько Бетти поняла, отец одновременно любил своего младшего брата и обижался на него. Родители возложили все надежды на Мэла, и Кену пришлось исполнять роль скорее отца, чем сына, – в шестнадцать он бросил школу и пошел работать. Хотя он и был достаточно умен, чтобы поступить в колледж, такой шанс выпал лишь Мэлвину. Отец Бетти работал на конвейере на автозаводе, по вечерам посещая бухгалтерские курсы, а его младший брат тем временем окончил школу, колледж и отправился в медицинский университет. Когда родилась Бетти, дядя Мэл уже стал офтальмологом. Он жил с женой,

ремя детьми и матерью в Саутфилде, в двухуровневом доме типа ранчо с огромной ванной, где было две раковины с золотыми кранами в форме лебедей и утопленная в пол, выложенная плиткой ванна размером с хороший бассейн. Бетти помнила, как мать велела ей не пользоваться роскошными бледно-зелеными махровыми полотенцами возле раковины, хотя Бетти к тому времени уже умела читать и видела слово «гости», вышитое внизу. Сара вручила ей бумажную салфетку и показала, как высушить ею руки.

За обедом у дяди Мэла прислуживала молчаливая негритянка – невысокая, стройная, в черном платье с белым передником. Поднося к столу жаркое или индейку, она сперва показывала блюдо дяде Мэлу, который его осматривал и одобрительно кивал, и уже потом приступала к разделке. Тетя Шерли держала возле своей тарелки серебряный колокольчик и звонила, чтобы вызвать девушку, чье имя Бетти так и не узнала. «Где она обедает?» – спросила Бетти по дороге домой. «Наверное, на кухне», – ответила Сара. Джо сказала, что тоже предпочла бы перекусить на кухне и послушать радио, вместо того чтобы сидеть неподвижно и думать о том, как правильно пользоваться ножом и вилкой. А вот Бетти гостиня дяди и тети ужасно понравилась. Она гладила накрахмаленную салфетку, трогала тяжелое стеклянное пресс-папье в форме полумесяца, лежавшее на журнальном столике, разглядывала веточку коралла внутри и мечтала когда-нибудь поселиться в красивом большом доме, где при-

носить еду и убирать грязную посуду будут слуги.

Джо и Бетти с родителями навещали родню дважды в год: на еврейскую Пасху, присоединяясь за традиционной трапезой к бабушке, кузенам и родственникам со стороны тети Шерли, и в первую ночь Хануки, когда подавали грудинку и жареные латки и все дети получали подарки.

В то утро в глазах дяди Мэла стояли слезы, а на лице были свежие царапины, хотя во время траура близким родственникам бриться не положено.

– Бетти... – произнес дядя Мэл, увидев ее на кухне, и обнял. На похороны отца Бетти надела свое лучшее платье – темно-синее, купленное для выпускного в восьмом классе. Оно жало ей под мышками и было коротковато, но Бетти не хотела тревожить мать такими пустяками. Когда дядя ее обнял, платье натянулось на груди. – Мне так жаль!

«С чего бы? Ты ведь его не убивал», – подумала Бетти.

Дядя Мэл объятий не разжимал, и вдруг его рука скользнула по ее спине и остановилась чуть ниже. Бетти оцепенела, утратив дар речи. Дядя Мэл никогда раньше так к ней не прикасался.

Не успела Бетти сообразить, что делать, как дядя Мэл убрал руку и вернулся в гостиную, где на карточном столике выставили виски и шнапс. Бетти пошла на задний двор вместе с Барбарой и другими девочками, Лорой Окс, Дарлин Конти и Патти Джеймисон, которые в тот день тоже пропустили школу. Она гадала, не почудилось ли ей, и надеялась,

что подруги не заметят ни ее бледности, ни молчаливости или же спишут их на горе.

Барбара спросила, как у нее дела. Лора и Дарлин сказали, что им очень жаль. «Если тебе что-нибудь понадобится, можешь на нас рассчитывать!» Бетти подумала, как было бы здорово, если бы вместо слов «Что мы можем сделать» люди предлагали что-нибудь определенное. К примеру, «*Давай помою посуду*», «*Давай сложу выстиранное белье*» или «*Давай сдам за тебя вводный курс биологии, чтобы тебе не пришлось готовиться самой*». Однако она не стала смущать подруг и проговорила: «В витрине у Керна я видела очень красивое платье». Девочки сменили тему с явным облегчением.

Целый день Бетти старалась выбросить из головы воспоминание о том, что сделал дядя Мэл, убеждая себя, что неправильно все поняла или ей просто показалось. Дядя Мэл ненадолго отлучился, отвез домой свою мать, жену и детей, потом ближе к вечеру вернулся и кружил вокруг шнапса, пока не пришел раввин, чтобы возглавить *миньян* – группу для чтения *каддиша*, заупокойной молитвы.

Мать стояла в дверях гостиной, комкая носовой платок, мужчины произносили слова на иврите. Позади мамы застыла мрачная Джо. «Милая, принеси-ка мне свитер», – попросила Сара младшую дочь после окончания службы. Бетти отправилась в родительскую спальню – теперь уже только мамину, – а закрыв ящик комода, увидела на пороге своего

дядю – лицо красное, на ногах держится плохо. Пиджак он снял, галстук ослабил.

– Бетти! – Голос у дяди был хриплый.

– Привет, дядя Мэл.

Бетти попыталась проскользнуть мимо, но он крепко схватил ее за локоть.

– Ты знаешь «*Неизбранную дорогу*» Роберта Фроста?

Бетти кивнула. Они читали это стихотворение в прошлом году на уроке английского, и вроде бы оно называлось «Не пройденный путь», хотя сейчас это не имело значения.

– «Опушка – и развилка двух дорог. Я... Я выбирал с великой неохотой»³, – процитировал дядя и заплакал. Он прижал Бетти к себе и стиснул в объятиях, обдавая зловонным дыханием. Ей показалось, что он говорит «мой бедный брат», но слова прозвучали глухо, потому что дядя Мэл уткнулся мокрым, исцарапанным лицом ей в шею и прижался к ней всем телом. На этот раз он провел рукой по ее груди.

Не раздумывая, Бетти оттолкнула его так сильно, что он ударился спиной об стену, свалив фотографию в рамке, которую ее родители сделали на Ниагарском водопаде во время медового месяца. Они стояли на палубе «*Туманной девы*», невероятно юные и прекрасные, отец обнимал мать за плечи, и Сара, одетая в темно-синий костюм с плиссированной юбкой, мечтательно улыбалась.

Потеряв дар речи, Бетти смотрела на дядю. Тот неуклю-

³ Перевод В. Топорова.

же нагнулся и поднял фотографию с пола. Ему удалось повесить ее обратно лишь со второй попытки, да и то криво. Даже не извинившись, он вышел в коридор. Бетти глядела ему вслед, тяжело дыша и жалея, что не схватила руку, которой он ее щупал, и не насадила на торчавший из стены гвоздь. Она заперла дверь, села на родительскую кровать – теперь только материну – и заставила себя сделать несколько глубоких вдохов, пока не перестала дрожать. В ванной она сполоснула руки холодной водой, придала лицу приветливое выражение, взяла свитер для матери и пошла убирать несъеденные блюда и складывать в стопку молитвенники, которые на следующий вечер понадобятся снова.

Когда дом наконец опустел, женщины семьи Кауфман снова собрались за кухонным столом. «Столько еды осталось», – заторможенно проговорила Сара. Еще до миньяна Бетти слышала, как Ларри Фейн, кузен, учившийся на первом курсе медицинского университета, рассказывал тете Шерли, что артерия, ведущая к сердцу ее отца, закупорилась. «Ее называют артерией, делающей жен вдовами», – с напыщенным видом объявил он, явно гордясь собой, потом заметил взгляд Бетти и быстро отвернулся.

Джо суетилась на кухне, накрывая остатки еды пищевой пленкой – блюда с нарезкой, с выпечкой, с кукурузным хлебом, который принесла Мэй. Наверное, ей рассказал кто-нибудь из соседской прислуги, потому что Мэй пришла в чер-

ном платье и в шляпке с короткой вуалью. «Ваш папа покинул эту юдоль боли и печали», – вздохнула Мэй, обнимая сестер, и Джо, не проронившая ни слезинки на похоронах, заплакала. Мэй погладила ее по спине. «Он теперь в лучшем мире». В черном свитере с высоким воротом и в серой плиссированной юбке, с запавшими щеками и стрижкой «под мальчика», открывающей длинную шею, Джо выглядела старше своих лет и казалась почти хорошенькой. Бетти в тысячный раз недоумевала, почему сестра ничуть не заботится о внешности, почему ограничивается мазком помады по губам, почему предпочитает ходить в джинсах и мужских рубашках и проводит больше времени с подругой Линетт, чем с любым из парней, которые приглашают ее на свидания.

– Итак, – начала Сара, когда Джо закончила и села за стол. – Девочки, я должна вам кое-что сообщить. – Она посмотрела на свои руки, сложенные в замок на клеенке с красными и желтыми розами. – Ваш отец застраховал свою жизнь. Получим мы немного, зато на улице не окажемся. Однако можешь забыть про колледжи на Восточном побережье, эти твои «Шесть сестер»!⁴ – резко бросила она, словно Джо с ней спорила, хотя впервые в жизни та не проронила ни слова.

– «Семь сестер», – поправила Джо. – Ничего страшного.

⁴ Ассоциация семи старейших и наиболее престижных женских колледжей на Восточном побережье США (по аналогии с мужскими колледжами «Лиги плюща»).

Мичиганский университет меня вполне устраивает.

– Вот и хорошо. К тому же тебе следует выбрать что-нибудь более практичное – к примеру, педагогику, а не литературу. – Сара вытряхнула сигарету из пачки и взяла тяжелую золотую зажигалку. – Мне придется найти работу. Нужно возвращать ссуду за дом, оплачивать счета за воду и газ... – проговорила она, унывая все больше. – И налог на собственность... и отопление...

Бетти нервно сглотнула. Матери некоторых ее подруг работали. Мама Кайи Гринфилд вела бухгалтерию в бакалейном магазине мужа, мама Лоры трудилась в детском саду при синагоге, но карьеры никто из них так и не сделал. С другой стороны, у них и не было нужды содержать семью в одиночку, как Сара.

– А дядя Мэл нам не поможет? – спросила Джо.

Услышав его имя, Бетти вздрогнула, словно дядя появился в кухне и вновь начал хватать ее за всякие места. Мать ничего не заметила. Сара так плотно сжала губы, что те стали почти не видны.

– Мы никогда вам об этом не говорили, но несколько лет назад у вашего отца появилась возможность заняться бизнесом. Он с друзьями хотел купить прачечную самообслуживания. В перспективе – открыть целую сеть. Одним из пайщиков был Генри Шешевски. Ваш отец стал бы менеджером.

Джо кивнула. Бетти смутно помнила Генри Шешевски – невысокого дородного мужчину с лысой головой, маленьки-

ми ровными зубками и щеками, вечно покрытыми щетиной. «Вот она, загородная жизнь!» – говорил он, вылезая из машины, проседавшей под его весом. Генри раздувал ноздри и комично вдыхал, хваля свежий воздух, зеленую траву и простор. Он носил в карманах четвертаки и ириски, которые вручал Джо с Бетти, потому что был холостяком и своих детей не имел, а «побаловать девчонок» любил. Сара ставила еще один прибор, и Генри присоединялся к семейной трапезе, будь то белая рыба, запеченная на луковой подушке, мясной рулет с картофельным пюре или фаршированная жареная курица. Генри Шешевски кушал аккуратно, разрезая еду на мелкие кусочки и тщательно пережевывая, и никогда не брал добавки – ни пюре, ни подливки, столь любимой Бетти, и она никак не могла понять, почему же он такой толстый.

– Все трое собирались вложить денег поровну. У вашего отца особых сбережений не было – мы тогда как раз купили этот дом, – и он попросил в долг у брата. Не навсегда, на время. Обещал даже вернуть с процентами, однако Мэл ему отказал.

– Почему? – поинтересовалась Джо.

Сара посмотрела на свою сигарету.

– Он сказал, что несет ответственность за мать и обязан беречь деньги, чтобы обеспечивать ей должный уход. – Бетти подумала об Элки, у которой в доме дяди Мэла была своя комната с ванной, и попыталась представить, какой именно уход ей нужен. – Зато он хочет сделать что-нибудь для нас

сейчас, – продолжила Сара и повернулась к Бетти, – и попросил тебя приходить раз в неделю, помогать Шерли с детьми и делать кое-какую работу по дому. Будет платить по десять долларов. Что скажешь?

Бетти чувствовала себя очень глупо и не знала, что делать. Десять долларов в неделю – огромные деньги. Большинство девочек, присматривающих за детишками, зарабатывали по двадцать пять центов в час. И она знала, как нужны им эти деньги. Мать ясно дала это понять. Бетти повернулась к сестре, надеясь на помощь, но Джо стояла к ней спиной у раковины, а Сара смотрела на нее заплаканными глазами, с дрожащей, полной надежды улыбкой.

– Конечно, – ответила Бетти, через силу улыбнувшись матери, – конечно.

Автобусы в Саутфилде ходили не так регулярно, как в их районе, – вероятно, потому что там у всех были свои машины. Через полторы недели после смерти отца, в среду после школы Бетти сошла с автобуса на углу Лэшер и Квортон-роуд и направилась в глубь квартала к дому дяди Мэла, стоявшему посреди большой лужайки на вершине холма. Сунув учебники под мышку, она постучала в дверь.

– Бетти! – Тетя Шерли вроде бы ей обрадовалась. – Входи же!

Тетя провела Бетти мимо гостиной, где ее кузины смотрели шоу Супи Сэйлса, прямо в огромную сверкающую кухню,

которая была раза в два больше кухни и гостиной в доме Бетти, вместе взятых. На столешнице из жаростойкого пластика красовался новенький бледно-желтый миксер *Mixmaster*, зеленый линолеум на полу тоже выглядел совершенно новым. На подоконнике стояли орхидеи в горшках, пахло жареной курицей. В окно Бетти увидела бассейн, которым дядя Мэл хвастался на Пасху пару месяцев назад, еще в том мире, где был жив ее отец. В столовой темнокожая накрывала на стол, натирая передником каждую вилку. По соседству с Бетти жило несколько таких семей с детьми, посещавшими ту же школу, что и она, не считая католиков, учившихся в школе «Пресвятой Девы Марии, Царицы Ангелов», однако в Саутфилде, вероятно, черные не жили – просто приезжали сюда на работу утром и возвращались обратно вечером.

– Хочешь есть или пить? – спросила тетя Шерли.

Бетти немного удивилась, потому что вроде бы пришла помогать тете Шерли по дому, а не для того, чтобы ее обслуживали. После долгой поездки на автобусе и прогулки по жаре ей захотелось пить, и она попросила воды.

Тетя Шерли налила стакан прямо из-под крана. На ней была желтая блузка на пару тонов темнее миксера и твидовая юбка серо-кремового цвета, свежeweымытые волосы аккуратно уложены в прическу. Бетти потягивала воду, гадая, что именно ей придется делать, потому что обед вроде бы уже стоял в духовке, негритянка накрывала на стол, а дети смотрели телевизор.

Тетя предвосхитила ее вопрос:

– Ты сможешь мне разобрать детскую одежду. Нужно убрать на лето зимние вещи и отложить в сторону те, из которых ребята уже выросли. – Тетя Шерли отвела Бетти к спальням, где на кроватках стояли пустые картонные коробки для хранения одежды. Они вместе вынули вещи из комодов, потом перешли к бельевому шкафу в коридоре. – Мы сложим все в три кучи: совсем изношенные – на выброс, умеренно поношенные отдадим в синагогу, а все, что еще выглядит прилично... – Тетя Шерли замолчала. Бетти знала, что вещи из третьей кучи пойдут ей, сестре и матери. Она всю жизнь спала под старыми одеялами Одри и Джоан, на их старых простынях.

– Хорошо, – пробормотала Бетти и понесла стопку белья в спальню девочек.

Тетя Шерли понаблюдала с порога, как она сортирует полотенца, затем сказала, что будет на кухне, и ушла. Бетти управилась за десять минут, тайком сунув пару новых полотенец в кучу, которая предназначалась ее семье. Тетя Шерли курила сигарету, листая журнал *Woman's Day*, и немного удивилась, увидев племянницу так скоро.

– Можешь пока посидеть у телевизора, – проговорила она, кивнув в сторону гостиной. – Мэл вернется и отвезет тебя домой.

Бетти невольно вздрогнула.

– Не стоит, я прекрасно доберусь на автобусе!

– Нет-нет, никакого автобуса! Как же ты понесешь все эти простыни и полотенца?

«*Черт!* – подумала Бетти, на ватных ногах бредя в комнату с телевизором, где шоу Супи Сэйлса сменилось пятичасовым выпуском новостей. – *Черт, черт, черт!*» Она села на диван; кузены посмотрели на нее и отвернулись к экрану.

Вдруг открылись автоматические ворота гаража, хлопнула входная дверь. Во рту у Бетти мигом пересохло, сердце бешено застучало в груди.

– Дети! – окликнул дядя, и кузены бросились его встречать.

– Папа! Папа! – кричали они.

Наконец дядя Мэл зашел в гостиную.

– Вот ты где, Бетти! – проговорил он и раскинул руки для объятий. На нем был белый халат с вышитым на кармашке именем. Лицо гладко выбрито, очки и лысина сияли, но дыхание оставалось таким же неприятным, как и тогда. Интересно, подумала Бетти, как это выносят его пациенты и тетя Шерли?..

– Привет, дядя Мэл.

– Готова ехать домой?

– Конечно.

Бетти взяла свои учебники и коробку с простынями и полотенцами, которые дала тетя Шерли. Забравшись в огромный *Cadillac*, она нагромоздила вещи себе на колени, но дядя Мэл велел переложить все в багажник, и девочка расте-

рялась. Она чувствовала себя голой, несмотря на свободную блузку из совершенно непрозрачной ткани и плотный бюстгальтер, да еще надетый сверху свитер, хотя июнь стоял теплый. Бетти боялась, что дядя захочет поговорить, однако он молчал всю дорогу, небрежно насвистывая в лучах полуденного солнца, кивая головой и постукивая ладонями по рулю в такт радио. «*Я не отпущу тебя никогда, потому что люблю тебя!*» – пропел он вместе с Фрэнки Авалоном. «Так пел мой отец», – подумала Бетти, и сердце ее сжалось от ужаса. На светофоре она почувствовала на себе дядин взгляд, скрестила руки на груди, отвернулась к окну и стиснула зубы. Когда они свернули на Альгамбра-стрит, Бетти крепко сжимала дверную ручку и нащупывала ключ, который носила на ленточке вокруг шеи.

– Спасибо, дядя Мэл, – выпалила она и надавила на ручку, едва дождавшись остановки.

Дядя потянулся через нее и захлопнул дверцу.

– А ну-ка погоди! Ты же не хочешь удрать до того, как я тебе заплачу?

«Господи!» – ужаснулась Бетти. У нее скрутило живот. Мать продала старую машину и взяла себе отцовскую, и сейчас на дорожке перед домом было пусто, потому что Сара уехала на собеседование в универмаг *Hudson's*, а Джо, наверное, занималась теннисом или зашла в гости к своей подруге Линетт.

Дядя достал из кармана бумажник и вручил Бетти деся-

тидолларовую купюру, еще хранящую тепло его тела. Бетти захотелось смять ее, швырнуть на пол, выскочить из машины и побежать к дому. Впрочем, она заставила себя сложить деньги, убрать в карман и сказать спасибо.

– Бетти, – протянул дядя Мэл, – бедная малышка Бетти! – Голос его звучал участливо, но она чувствовала, как он на нее смотрит. Однажды на пикнике Бетти пролила себе на руку лимонад, вытерла его бумажной салфеткой и забыла. Она разговаривала с Лорой, и вдруг та взвизгнула, указывая куда-то вниз, и Бетти обнаружила на липком пятне крошечных муравьев – так много, что кожа казалась черной. Она долго кричала и терлась рукой о траву, сминая муравьев в кашу... – Как вы там, держитесь?

– Прекрасно держимся, – ответила Бетти вполголоса. – У нас все хорошо.

– Передо мной не надо храбриться, Бетти. Ты ведь скучаешь по папочке? Бедняжка Бетти! Бедная малышка! – Голос дяди стал хриплым. Он протянул руку, и Бетти съежилась, вжимаясь в кресло. Дядя Мэл обнял ее за плечи и притянул к себе, прильнув всем телом. – Бедная Бетти! – Он прижался щекой к ее макушке и стиснул девочку еще сильнее. Со стороны это выглядело так, словно дядя утешает племянницу, однако на деле все было иначе. Дядино зловонное дыхание наполняло салон, рука блуждала по груди Бетти, подбородок больно упирался ей в макушку. – Бедная малышка Бетти! Мне так тебя жаль! Наверное, ты очень скучаешь по папоч-

ке. Не волнуйся, я с тобой!

– Мне нужно идти! – Бетти попыталась вырваться, но дядины руки сжимали ее, словно железные прутья. – Пора готовить ужин...

– Не спеши, торопиться ни к чему. Тебе ведь наверняка одиноко! Смотри, дома у вас никого. Время есть. – Он потер костяшками пальцев ее грудь и принялся противно сюсюкать. – Не хочу, чтобы моя бедная сиротка Бетти сидела в большом и темном домике одна-одинешенька!

Дом действительно был пуст, тут дядя Мэл не ошибся, и ей действительно пришлось бы сидеть там одной. Бетти отчаянно хотелось, чтобы по улице поскорее проехала машина матери или велосипед сестры. Она сжалась, пытаясь стать незаметнее.

– Пожалуйста, дядя Мэл, отпусти, мне нужно делать уроки!

– Моя Бетти – умница! – В его голосе прозвучала гордость, и он провел подбородком по пробору в ее волосах.

– Дядя Мэл, я пойду! – Бетти вырвалась, выпрыгнула из машины, хлопнула дверцей и помчалась к дому, на ходу выдергивая из-под блузки ключ. Она боялась, что он побежит следом, чувствовала его дыхание в затылок. Руки так дрожали, что Бетти смогла попасть ключом в замок только с третьего раза.

И вдруг позади раздались шаги – совсем как в фильме ужасов. Девочка обреченно обернулась и увидела дядю Мэ-

ла со школьными учебниками и коробкой полотенец.

– Ты чуть не забыла свои вещи! – воскликнул он с добро-
душной улыбкой.

Может, и в самом деле ничего плохого не случилось? Дядя обнял ее, потерся подбородком об голову, коснулся груди – случайно? Или ей просто показалось? Бетти задумалась, а дядя Мэл, насвистывая, отправился к машине. Проезжая мимо, он нажал на клаксон, издав два веселых гудка – *бин-бин!* Бетти подскочила от неожиданности, дядя Мэл помахал ей и крикнул:

– Увидимся на следующей неделе!

Она вошла в пустой дом, положила полотенца рядом с бельевым шкафом, гораздо менее вместительным, чем у тети Шерли, учебники свалила на кровать, дядины деньги оставила на кухонном столе. В ванной сбросила одежду, встала под горячий душ и терлась мочалкой, пока кожа не стала ярко-красной. Бетти чувствовала себя грязной, словно тело покрылось маслянистым налетом, липким, как пищевая пленка, и его уже не смыть...

Вернувшись в кухню, Бетти посыпала цыпленка приправами. Когда она дотронулась до пупырчатой кожи и начала вытаскивать из крыльев пеньки от перьев, ее замутило. На ужин они с матерью и сестрой ели жареную курицу, на обед – салат из курицы, на следующий день – вареную курицу, мелко нарезанную и запеченную под слоем сыра *Velveeta*, или грибной сыр-шюре. Бетти помыла две картофелины, проко-

лола кожицу вилок и поставила их в духовку, затем порезала четверть головки кочанного салата, который Сара оставила в холодильнике. В дальнем углу той же полки стояла миска с тестом для шоколадного печенья. Джо его обожала и по выходным делала в гостях у Линетт двойную порцию, приносила домой и пекла по вечерам. Благодаря занятиям спортом Джо могла есть десерты хоть каждый день – на ее бедрах не откладывалось ни жиринки. Сара с Бетти следили за своим весом, поэтому Бетти лакомилась сладостями редко.

В тот вечер Бетти достала из холодильника миску, из ящика стола взяла большую ложку. Она зачерпнула кусочек теста размером с грецкий орех, поднесла ко рту и съела. Не успев проглотить, набрала еще, с трудом разрезая жесткую, холодную массу. Девочка сидела за кухонным столом с ложкой в руках и черпала из миски сырое тесто, ела и зачерпывала еще. Тесто нагревалось, ложка двигалась все быстрее и быстрее. Бетти глотала не жуя, пытаясь набить живот до отвала, чтобы не осталось места ни для бессильной ярости, ни для стыда...

Каждую среду в течение всех трех летних месяцев Бетти ездила к дяде Мэлу. Каждую неделю она пыталась рассказать матери, что происходит, и каждую неделю не могла справиться с духом. В тот единственный раз, когда она наконец выдавила из себя пару слов, измученная Сара, одетая в новую бордовую юбку из вискозы и жакет-болеро в тон, уста-

вилась на дочь с недоумением. Яркое утреннее солнце высветило темные круги у нее под глазами. Покачав головой, Сара переспросила: «Слишком долго тебя обнимал? Что ты хочешь этим сказать?» Слова замерли у Бетти на губах. Лучше бы она поделилась с Джо... Но сестра с подачи Линетт устроилась вожатой в лагерь «*Тануга*» на Верхнем полуострове озера Мичиган. Через три дня после окончания школы Джо сложила вещи в спортивную сумку и села в автобус. К тому же Бетти не могла не заметить, с какой поспешностью Сара схватила со стола первые десять долларов, заработанные у дяди Мэла. Семья отчаянно нуждалась в деньгах. Бетти хотела написать Джо, только что та могла бы сделать, находясь в двухстах милях от дома? Пойти к директору и сказать: «*Извините, мне срочно нужно домой, потому что мой дядя обнимает мою сестру*»?

Все лето каждую среду Бетти возила ложкой в миске с хлопьями, ожидая, пока они превратятся в кашу. Если бы она сказала, что не голодна, у Сары возникли бы вопросы. Мать убегала на работу, и Бетти оставалась дома одна. Она занималась стиркой, мыла полы, размораживала продукты на ужин. Она пылесосила, стирала пыль с мебели и складывала вещи, которые вовсе не надо было складывать, не в силах заполнить томительные часы, отделявшие ее от поездки к дяде Мэлу.

Каждую неделю Бетти приезжала к четверем. Тетя Шерли впускала ее в дом и поручала какое-нибудь дело по хозяй-

ству, занимавшее не более получаса. Бетти высыпала на пол ящики с игрушками, отбирала сломанные и старые; снимала с полки в кухне или в столовой тарелки, мыла их, вытирала пыль с полки, сушила тарелки и ставила на место. Закончив работу, она сидела в прохладной гостиной у телевизора одна, потому что дети в то время отдыхали в лагере. Бабушку она тоже ни разу не видела. «Элки неважно себя чувствует», – сообщила Шерли в тот единственный раз, когда Бетти спросила. Она ждала, не глядя на экран, и вся сжималась при звуке открывающейся двери гаража и наигранно веселого приветствия дяди Мэла. С третьей недели он стал проезжать мимо пустого дома Кауфманов на Альгамбра-стрит и останавливаться в самом конце квартала. Сначала он просто обнимал Бетти, с июля стал усаживать ее к себе на колени. Она закрывала глаза и потихоньку дышала ртом, чтобы не чувствовать дядиного зловонного дыхания, от которого потели стекла в салоне, и его руки блуждали по ее груди, бедрам и ягодицам, то щипая, то тиская. Еще хуже становилось, когда посреди омерзительного сюсюканья он заговаривал об ее отце. *«Бедная сиротка Бетти, ты скучаешь по папочке? Похоже, бедняжка Бетти очень-очень скучает!»* Дядя Мэл раскачивался все быстрее и быстрее, обдавая шею девочки вонючим дыханием, прижимался так сильно, что ей становилось больно, содрогался и тяжело выдыхал, затем отдавал деньги и отпускал ее.

Бетти выбиралась из машины и мчалась домой сквозь ве-

черные сумерки, сквозь запахи барбекю и свежескошенной травы. Крутилась, разбрызгивая воду, поливальная установка на лужайке Штейнов, хлопали дверцы машин, смеялись или спорили дети, мамы звали их ужинать. Совсем другой мир, потерянный рай, похожий на все предыдущие летние каникулы, когда отец Бетти был еще жив. Девочки Дубински играли в классики, мальчики Штейны бежали домой кушать. Энди Симоно, младший братишка ее подруги Барбары, проезжал мимо на новеньком велосипеде и кричал: «Привет, Бетти!» На спицы он прикреплял карты, которые так приятно стрекочут, когда крутишь педали. Она махала рукой и спешила открыть входную дверь, отчаянно надеясь, что уже достаточно стемнело и никто не заметил мокрого пятна на ее джинсах. Оставив деньги дяди Мэла на кухонном столе под белой фарфоровой сахарницей с отколотой крышечкой, Бетти скидывала одежду и становилась под душ, включая сначала обжигающе-горячую, затем ледяную воду. Она готовила ужин, ковыряла еду вилкой и сидела перед телевизором с матерью, у которой не оставалось сил ни вязать, ни штопать, ни даже складывать белье. Сара клевала носом, засыпая под сериал *«Остров Гиллигана»* или *«Моя жена меня приворожила»*. После того как мать ложилась, Бетти украдкой шла на кухню, брала ложку и запихивала в рот все мягкое, что попадалось под руку. Лучше всего подходило тесто для шоколадного печенья, но она могла съесть и мороженое или творог, холодный рис или картофельное пюре, малиновый джем

или куриную подливку, застывшую до состояния желе. Лишь бы еду можно было зачерпнуть ложкой и проглотить, не чувствуя вкуса. Лишь бы заполнить пустоту внутри, не оставив места ни для дурных мыслей, ни для вины, ни для стыда.

К августу Бетти набрала десять фунтов. Кожа на лбу и щеках покрылась прыщами, грудь увеличилась на два размера. Сара ничего не сказала об исчезающей еде, хотя наверняка заметила. Она вырезала из журнала для домохозяек семидневную белково-грейпфрутовую диету и оставила листок на кухонном столе, после чего отправилась на работу, пробормотав: «При таком росте и телосложении виден каждый лишний фунт».

Бетти стала избегать подруг, которые проводили летние дни на солнышке у общественного бассейна или, если были достаточно взрослыми, подрабатывали нянями, продавщицами мороженого или официантками. До работы она еще не доросла, а мысль о том, чтобы надеть купальник, теперь такой тесный, и лежать на полотенце у бассейна у всех на виду, приводила ее в ужас. Когда Барбара Симоно пригласила ее на двойное свидание, Бетти сказалась занятой, да и вечеринку в честь шестнадцатилетия Лоры Окс тоже пропустила. Она отделивалась дежурными фразами вроде «*Мне немного нездоровится*» (намекая на месячные) или «*Я должна помочь маме по дому*», с чем поспорить сложно.

Наконец, однажды вечером в августе дядя Мэл свернул на Альгамбра-стрит и, слава богу, в окнах Кауфманов го-

рел свет. «Дядя Мэл, мне нужно идти!» – выпалила Бетти и выскочила из машины, едва та успела остановиться. Она бросилась через лужайку, нащупывая ключ на ленточке, торопливо открыла дверь, и Джо была там, Джо вернулась домой! Сестра стояла посреди кухни – загорелые ноги, белые шорты, широкие и сильные плечи под бело-зеленой футболкой с надписью «*Тануга*». Над плитой горела лампа, наполняя обшарпанную кухню теплым светом, по радио шел матч «*Тигров*». Джо разбивала яйца в старую пластиковую зеленую миску. Посмотрев на располневшую Бетти с удивлением, она спросила: «Как насчет завтрака на ужин?» При виде старшей сестры Бетти почувствовала огромное облегчение и несказанно обрадовалась, что больше не одна, поэтому не сдержала слез. Джо обняла ее за плечи и прижала к себе.

– Эй, что стряслось? Ты в порядке? – Бетти не могла выговорить ни слова. – Скучаешь по папе? – сочувственно спросила Джо. Бетти прильнула к сестре, вдыхая знакомый запах, чувствуя надежность ее крепкого тела. – Понимаю. Мне тоже его не хватает.

– Дело не в этом, – выдавила Бетти сквозь слезы. – Дело в другом.

Джо посмотрела на нее сверху вниз.

– А в чем? – спросила она. – Что с тобой случилось?

– Дядя Мэл... – прошептала Бетти, глубоко вздохнула, зажмурилась и выпалила: – Он меня трогает!

После того как Бетти рассказала сестре все, губы Джо по-

белели, она вскочила с места и заметалась по кухне. «Убью! – повторяла она. – Я его убью!» Сестра мерила шагами гостиную с ракеткой в руке, едва не круша все вокруг. Бетти удалось ее успокоить, заверив, что дядя Мэл никогда не трогал ее под одеждой и не заставлял трогать его. «Он скажет, что просто утешал меня или я неправильно все поняла, – говорила Бетти. – Маме так нужны эти деньги, ты ведь знаешь!» Джо расхаживала взад-вперед, свирепо сверкая глазами, и бормотала: «Мы должны придумать план! Нам нужно, чтобы он оставил тебя в покое, и в то же время нам нужны его деньги». Той ночью Бетти впервые нормально поужинала и обошлась без вылазки к холодильнику. Джо рассказала ей сказку не про принцессу Бетти в темном лесу или в высокой башне, а про принцессу Бетти в доме дяди Мэла. Сестры допоздна разговаривали о том, как его остановят.

В следующую среду – последнюю среду лета – Бетти не села на трехчасовой автобус. Вместо этого она дождалась шести, когда дядя Мэл наверняка вернулся домой, и поехала в Саутфилд с Джо на ее машине. Припарковавшись на подъездной дорожке, сестры вместе направились к двери. При виде их обеих раздражение на лице тети Шерли сменилось удивлением.

– Простите, что опоздала, – сказала Бетти. – Дядя Мэл дома? Нам с Джо нужно с ним поговорить. – У нее дрожали руки, колени, даже шея, но голос звучал ясно и твердо.

Тетя Шерли посмотрела на них с недоумением.

– Конечно, – кивнула она и провела девочек в кабинет дяди Мэла, где стояли стеллажи с медицинскими книгами и полированный письменный стол из темного дерева, на котором лежала дорогая черно-золотая ручка на кожаном бьюаре. Вскоре зашел и сам дядя в брюках и белом врачебном халате.

– Какой приятный сюрприз! Чем могу вам помочь, юные леди? – спросил он.

Бетти ощутила то же щемящее чувство, которое испытывала на экзаменах, когда учитель раздал задания лицевой стороной вниз и вот-вот скажет: «Начинайте». Ей хотелось вскочить и выбежать из кабинета – мимо тети Шерли и своих кузин с кузенком, через сверкающую кухню, прямо к машине. Словно угадав ее мысли, Джо взяла сестру за руку и сжала, и Бетти заставила себя дышать, пытаясь вспомнить все сказки, рассказанные сестрой. Принцесса Бетти встречалась лицом к лицу со злой королевой, с драконами. Она усадила дикого жеребца и поехала на нем верхом, она прорубила себе путь сквозь терновый лес еще до того, как появился принц.

Дядя Мэл смотрел на нее. Бетти сглотнула и начала говорить:

– На шиве моего отца ты разговаривал со мной про «*Неизбранную дорогу*», помнишь? «Опушка – и развилка двух дорог...»

Дядя Мэл с опаской кивнул. Напряжение, в котором находилась Бетти, понемногу спадало. Тягостное, тошнотворное

чувство, испортившее ей все лето, испарялось. Теперь она ощущала только ярость. Грудь, горло и щеки пылали. Она заставила себя улыбнуться, склонила голову набок и мило прошептала:

– Увы, нашему отцу не пришлось выбирать. За него это сделали твои родители. Ему не дали окончить школу, не дали поступить в колледж. Отец так и не доучился – он пошел работать, чтобы помочь семье. Помочь тебе! Неужели он сделал это только ради того, чтобы умереть, не дожив до сорока пяти? – Бетти перевела дух и нанесла последний удар: – Или чтобы его дочь лапал раз в неделю его же родной брат?

Лицо дяди Мэла потемнело. Он поднял руки:

– Ты все неправильно поняла...

– Чего уж тут понимать! – перебила Джо. – Как тебе не стыдно?! Нам следовало бы сообщить Коллегии офтальмологов! – Джо яростно сверкнула глазами. – Или твоей жене.

Сидя за полированным письменным столом, дядя Мэл беззвучно шевелил губами.

– Я не хотел... – наконец выдавил он, сглотнул и добавил: – Я был не в себе от горя!

– Спорим, тетя Шерли тоже будет не в себе, если узнает, чем ты занимался?

Дядя Мэл поежился и опустил глаза. Бетти заметила капельки пота, блестящие сквозь жесткие волоски его усов.

– Чего вы хотите?

– В свое время наш отец просил у тебя денег в долг. Пом-

нишь? Он хотел открыть прачечную самообслуживания с Генри Шешевски. А ты ему отказал!

– Я всего лишь защищал вашу семью! – напыщенно воскликнул дядя Мэл, с опаской оглянулся на дверь и тихо добавил: – Ваш отец... у него не было *kop far geshefte*. То есть *голова его для бизнеса не годилась*. Он потерял бы и мои деньги, и все свои накопления!

– Возможно, – сказала Бетти. Она понимала, что сестре вряд ли приятно слушать, как оскорбляют отца, чуть ли не прямо называя его тупым невежей. Сердце Бетти бешено колотилось, во рту пересохло. – А возможно, сейчас мы жили бы в Саутфилде, в большом доме с бассейном. Мы уже никогда не узнаем. Это путь, который остался не пройденным. – Бетти выдала дяде Мэлу самую милую из своих улыбок. – На развилку, увы, не вернуться, зато тебе наверняка полегчает, если поможешь нашей матери. – Бетти сложила руки в замок, чтобы дядя Мэл не видел, как они дрожат. – Сколько бы там отец ни просил у тебя в долг – выпиши чек на имя моей мамы. – Она откинулась на спинку стула. Живот снова скрутило, сердце стучало так, что звенело в ушах. «Сейчас, – подумала Бетти. – Сейчас он заявит, что я все выдумала. Позвонит моей матери и скажет, что я лгунья. Начнет орать и вышвырнет нас вон».

Вместо этого дядя вздохнул и опустил голову, потом открыл ящик стола, выписал чек и положил в конверт, на котором в верхнем углу значилось его имя – доктор Мэлвин

Кауфман – и адрес врачебного кабинета. Конверт он отдал Бетти.

– Мне очень жаль, – сказал он.

К ужасу Бетти, в его голосе звучала неподдельная печаль. Кем бы он ни был, что бы он ни совершил, он оставался младшим братом ее отца. И он тоже потерял близкого человека. Все, чего хотелось Бетти сейчас, – покинуть этот дом, желательно не встретив по пути ни тетю Шерли, ни кузину или кузена. Она сунула чек в карман сумочки и застегнула молнию. Джо встала, и они молча вышли из кабинета дяди Мэла. Бетти бросилась к выходу, не собираясь прощаться с тетей Шерли, но по пути заметила в столовой негритянку, которая что-то напевала себе под нос, стоя перед гладильной доской со стопкой белых салфеток. Бетти остановилась так внезапно, что сестра едва не врезалась ей в спину. Девочка посмотрела на нее настороженно, и Бетти подумала, что уже израсходовала весь запас мужества на сегодня, на эту неделю, а может, и на всю оставшуюся жизнь. Потом ей вспомнились дядины руки у нее на груди, его зловонное дыхание... К тому же рядом была старшая сестра, и это придало Бетти сил.

– Как тебя зовут? – спросила она, делая шаг вперед.

– Корали, мэм.

Горничная оказалась старше, чем думала Бетти, – ближе к двадцати годам или чуть больше. Лицо у нее было маленькое, в форме сердечка. Два передних зуба чуть находи-

ли друг на друга, ресницы загибались на кончиках.

– Я тебе не мэм, а просто девочка. – Бетти подошла к темнокожей девушке и шепотом спросила: – Он тебя трогал? – Глаза Корали испуганно расширились. Она помотала головой. – Если он к тебе притронется... если он посмеет...

Бетти не знала, что говорить дальше, и на помощь пришла сестра:

– Мы – его племянницы. Джо и Бетти Кауфман.

– Я вас помню, – кивнула Корали.

– Мы живем на Альгамбра-стрит. Наш номер телефона *UN 29291*. Если что – звони!

Девушка снова кивнула, и Бетти направилась к двери. В гостиной лежало пресс-папье с кусочком коралла внутри. В детстве Бетти любила держать в руках этот тяжелый и гладкий кусок стекла. Она помедлила, потом взяла пресс-папье и сунула в карман сумки, рядом с чеком. Сестры вышли через парадную дверь и поспешили вниз по пологому склону перед домом дяди туда, где их ждала машина.

Джо

Джо с Линетт посмотрели друг на друга поверх микрофона, через который их голоса вот-вот услышит по системе громкой связи вся школа. Улыбнувшись, Джо одними губами сказала: «Раз... два... три», и Линетт заиграла первые ноты из вступления к песне *Mr. Sandman* на ксилофоне, позаимствованном из кабинета музыки. Они вдвоем склонились к микрофону и запели:

Мальчишки и девчонки,
Сдавайте ваши взносы!
Устроим выпускной,
Классный и чумовой!
Отправимся в круиз,
По реке вверх и вниз.
Хотите ночь напролет плясать,
И вкусности поесть?
Сбережения класса скудны,
Значит, помочь вы должны!
Денежки нам несите,
И будет все, как хотите!

Миссис Дуглас бросила на них суровый взгляд – так она смотрела на всех без исключения, слегка улыбнулась и сказала: «Неплохо, девочки». Джо с Линни вышли в коридор, за-

крыли за собой дверь с армированным стеклом, торжественно вскинули руки и с хохотом обнялись.

– Я была уверена, что ты это сделаешь! – воскликнула Линетт.

– Что именно? – с невинным видом спросила Джо.

На прошлой неделе они перебрали кучу песен, от смешных до отвратительных и непристойных, и Джо постоянно придумывала неприличные рифмы, пока Линетт не стала умолять ее прекратить, утирая слезы и заверяя, что вот-вот описается. Будучи секретарем класса, Джо также отвечала за сбор взносов по пять долларов с каждого ученика. Деньги нужны были на аренду двухпалубного кораблика, на котором они поедут кататься по реке Детройт после выпускного вечера в мае.

Ликующая и запыхавшаяся Джо шла по коридору, любуясь Линетт, такой очаровательной в темно-вишневой форме девушки из группы поддержки. Минувшее лето принесло и горести, и радости, произошло много удивительного и странного. Все дни Джо проводила на солнце, у озера или на теннисном корте, и эти часы были такими насыщенными, что времени горевать не оставалось. По ночам они с Линетт тайком ходили на пляж, сбрасывали одежду и купались нагишом в теплой воде, иногда с другими вожатыми, иногда одни. «Люблю тебя», – шептала Джо, и Линетт отвечала ей тем же. Увы, стоило им вернуться домой, как Линетт вновь стала встречаться с Бобби Карвером, словно этого лета и не

было. Бобби Карвер, капитан футбольной команды. Бобби Карвер, который когда-нибудь унаследует отцовский автосалон *Carver Chevrolet*. Линетт называла их свидания «субботные вечерние битвы», качала головой и рассказывала Джо, что каждое заканчивалось отчаянной битвой на заднем сиденье авто Бобби. Она описывала подруге его слюнявые поцелуи и вездесущие руки, как он терся об нее сквозь одежду, пытаясь пристроить свой член хоть куда-нибудь. «А если он воткнет его мне в руку, это считается траханьем?» «Полагаю, об этом спорили еще Платон с Сократом», – с серьезным видом проговорила Джо, скрывая отвращение. Она была достаточно храброй, чтобы признаться Линетт в любви, но не настолько, чтобы потребовать от Линни порвать с Бобби.

– Смешно, – одобрила Линни, толкнув Джо в бок и глядя с такой любовью, что сердце у Джо подпрыгнуло. – Ты очень смешная! Тебе нужно вести шоу по телевизору, как Люсиль Болл.

– Тогда тебе придется стать моей Этель, – ответила Джо. Ей вовсе не хотелось на телевидение. Иногда она мечтала стать адвокатом, как Перри Мейсон. Столь честолюбивое стремление разделяли немногие одноклассницы Джо, и Сара неизменно высмеивала ее идею, стоило поднять в разговоре эту тему. Между тем Линетт вообще не собиралась в колледж. Она хотела жить точно так же, как и ее мать: большой дом, дети, достаточно денег, чтобы нанять прислугу для готовки и уборки, а она тем временем будет играть в бридж

и маджонг или заниматься благотворительностью. Как бы сильно Джо ни любила свою Линни, как бы ей ни хотелось верить, что они всегда будут вместе, она прекрасно понимала, что женщине жить с женщиной очень трудно. Линетт, ее милая, глуповатая, ленивая подруга... Линетт с клубнично-сладкими губами и острым язычком... Линетт, которая не читает ничего сверх школьной программы и не делает домашние задания, если может списать у Джо... Девушка, чьи знания о мире не простираются дальше кампуса школы Беллвуд, вовсе не создана для борьбы. Переделать этот мир она бы не сумела, да и не хотела. Идея отвергнуть предложение руки и сердца Бобби Карвера и сбежать с Джо казалась ей столь же абсурдной, как жизнь на Луне.

– Чем займешься на выходных? – спросила Джо, имея в виду «Чем займемся вместе?».

Большинство субботних вечеров девушки проводили на двойных свиданиях – они вдвоем плюс Бобби Карвер с одним из своих друзей. За эти годы Джо заработала репутацию недотроги, которая не позволяет даже под блузкой себя потрогать и у которой грудь так мала, что не стоит и утруждаться. «Мечта плотника», шутили незадачливые кавалеры, имея в виду, что Джо плоская как доска. Джо было плевать. Она надеялась, что в конце концов ее вообще перестанут приглашать на свидания, однако чем дольше Джо держала оборону, чем больше мальчиков отталкивала, тем решительнее становились некоторые из них.

Каждую субботу Линни с Бобби и Джо с очередным желающим сломить ее оборону отправлялись в кино или на танцы, на футбольный или на баскетбольный матч на территории школы-соперника, где атмосфера неизменно оживлялась фляжкой, передаваемой по кругу. Бобби Карвер подъезжал к дому Боббеков, Джо заходила внутрь и ждала, пока Линни наконец от него оторвется. Подруги шли в кухню перекусить, потом в спальню. Джо вытаскивала раскладушку, на всякий случай сминала одеяла и сбрасывала одежду ровно за десять секунд. Переодевшись в пижаму, она битых полчаса наблюдала, как Линетт готовится ко сну. Сперва та расшнуровывала свои двухцветные кожаные туфли, вытирала их и убирала в нижнюю часть платяного шкафа, затем следовало отстегнуть чулки от пояса с подвязками. «Помоги мне», – просила Линни, и Джо медленно расстегивала молнию, иногда целуя подругу в шею или в плечо. От тугого белья на белой коже оставались красные отметины. «Зачем ты все это носишь?» – недоуменно спрашивала Джо, расстегивая крючки, и Линетт вздыхала, рассматривая себя в зеркале, поворачивалась из стороны в сторону, втягивая живот и бормоча: «Вот бы мне шею подлиннее», пока Джо не брала ее за плечи и не отводила в ванную. Там Линетт приступала к затяжной процедуре подготовки ко сну, включавшей крем *Pond's* для снятия макияжа, ватные шарики, «ведьмин орех» от прыщей и сто взмахов щеткой по волосам.

Джо лежала на кровати и разглядывала балдахин, издавая

одобрительные или возмущенные возгласы, пока Линетт говорила о фильме или о танцах или спрашивала, понравился ли ей Гордон Вайс или Луис Эттингер больше, чем мальчишки, с которыми она встречалась раньше. Ложась в постель в персиковой или голубой ночной сорочке, Линетт продолжала болтать и мазать лицо кремом. «Двигайся», – велела она, спихивая Джо локтем с теплого местечка. Джо ждала, пока подруга накроется одеялом и шаловливо спросит: «Обнимешь меня?» или «Почешешь спинку?». Она тихо напевала, когда Джо обнимала ее или проводила короткими ноготками по атласной коже, потом поворачивалась к ней – веки полусомкнуты, губы приоткрыты для поцелуя.

На выходных Джо старалась побыть у Линетт подольше – делала уроки, смотрела телевизор, тянула время сколько могла, лишь бы не возвращаться в мрачный, опустевший дом на Альгамбра-стрит. Когда отец был жив, они всегда ужинали вместе. В воскресенье, которое Сара называла «выходной повара», они брали китайскую еду навынос, ребрышки и блинчики с начинкой, обжаренные во фритюре, рагу и омлет фу-янг. Отец привозил еду, и они ели в гостиной у телевизора под «Шоу Эда Салливана» или «Угадай профессию». Теперь по выходным Сара работала и редко возвращалась раньше восьми. Девочки готовили еду сами, ужинали и оставляли порцию для матери в духовке.

В коридоре прозвенел звонок.

– Переночуешь у меня сегодня? – спросила Линетт.

– Как насчет завтра? – поинтересовалась Джо.

Линетт прижала учебники к груди.

– Завтра у нас годовщина, – проговорила она застенчиво и в то же время гордо. – Бобби пригласил меня в ресторан, потом мы пойдем на танцы в *Cliff Bell's*... – Линетт побарабанила пальцами по учебнику алгебры.

Джо похолодела.

– Ты вовсе не обязана с ним идти! – выпалила она, чувствуя тяжесть в груди. «*Зачем тебе вообще Бобби Карвер, ведь у тебя есть я!*» – К чему себя заставлять, если не хочешь?

– Мы встречаемся почти два года, Джо. – Голос Линетт звучал спокойно и буднично, словно она читала список ингредиентов на пачке с хлопьями. – Бобби говорит, что любит меня.

«Это я люблю тебя», – подумала Джо.

– А ты его?

Линетт промолчала.

– Дело в том... – Голос ее умолк.

– В чем? – вскинулась Джо, потом заставила себя улыбнуться. – В чем дело?

Линетт посмотрела на свои туфли.

– Бобби говорит, что всякий раз, когда мы куда-нибудь ходим, я провожу больше времени в разговорах с тобой, чем с ним.

– Если бы Бобби говорил о чем-нибудь, кроме футбола и

себя любимого... – начала Джо.

Линетт положила руку Джо на плечо, заставив умолкнуть.

– Он считает, что ты нравишься мне больше, чем он.

Джо стало тяжело дышать, от гордости и страха закружилась голова.

– Честно говоря, разве это удивительно? – воскликнула она, пытаясь не покраснеть.

Линетт смутилась и покачала головой:

– Джо, ты не понимаешь!

– В чем дело, Линни? – спросила Джо.

Линетт схватила Джо за локоть, затащила в уборную для девочек и повела вдоль длинного ряда раковин к последней, проверяя, нет ли ног под дверями кабинок. Девушки стояли в луче дымчатого света, который пробивался сквозь единственное окно под потолком, затянутое пузырчатым, молочно-белым стеклом; сильно пахло дезинфицирующим средством, вокруг витали призраки тысяч выкуренных тайком сигарет.

– Бобби сказал, что про нас с тобой уже судачат, – прошептала Линетт. – Говорят, что мы... – Она понизила голос до едва различимого шепота: – Лесбиянки!

Джо буквально онемела.

– Ну так называют женщин, которые любят женщин, – с трудом промолвила она.

Линетт махнула рукой и скривилась.

– Я вовсе не люблю женщин, я люблю тебя! Это другое.

Мы с тобой не... не мужеподобные, – замялась она. – Мы не стрижемся коротко и не одеваемся как мальчики.

– Ты меня вообще видела? – Джо коснулась своих коротких волос, пытаясь говорить непринужденно, хотя чувствовала, как сердце сжимают ледяные щупальца страха. Неужели ее считают мужеподобной? Неужели ее тайна разгадана? Неужели люди считают ее не умной и спортивной девушкой, выдающейся ученицей и главным редактором школьной газеты, а ненормальной?

– Да ладно, это просто стиль такой, – снова отмахнулась Линетт. – У тебя самые стройные ноги из всех девочек в выпускном классе! Ты красавица! И стала бы еще красивее, если бы позволила мне выщипать брови! – Она встала на цыпочки и провела основанием большого пальца по левой брови Джо. – Серьезно, твоя единственная проблема в том, что ты пока не встретила подходящего парня!

– Подходящего парня я никогда не встречу. – Джо надеялась, что ей удастся скрывать свои чувства. Признание Линни – словно удар в живот. Джо знала, кто она есть. Она общалась со многими парнями и поняла, что ее не возбуждают ни их поцелуи, ни тела, ни щетина, ни запах. Она брала в библиотеке *«Колодец одиночества»* Рэдклифф Холл и проехала на автобусе до самого Бирмингема, чтобы купить экземпляр *«Странной девушки»* Энн Бэннон. На обложке была изображена темноволосая женщина с фиалковыми глазами и алыми губами, бросающая хищный взгляд на хорошенькую

студентку-блондинку. *«Внезапно они очутились на острове запретного блаженства»*, – гласила аннотация. Заодно Джо купила кучу ненужных вещей – зубной эликсир, кусок мыла *Ivory*, упаковку *Tampax* – и спрятала среди них скандальный роман. Тем не менее продавец за стойкой вроде бы ухмыльнулась, глядя на нее. Джо едва дотерпела до дома и с жадностью проглотила историю невинной Лоры, которая влюбилась в свою прекрасную соседку по комнате, Бет. Сердце стучало в ушах, между ног у Джо пульсировало, когда она читала описание первого секса у девушек: *«Руки Лоры снова вернулись к своему увлекательному занятию, лаская безупречные впадинки, податливые плечи. Она совершенно потеряла голову»*.

Именно так Джо чувствовала себя рядом с Линетт – она теряла голову. Любовные романы давали утешение, подтверждали ее понимание себя и свидетельствовали о том, что есть и другие, подобные ей. Она была лесбиянкой, она любила Линетт и хотела найти способ, чтобы остаться с ней навсегда... Однако Линни воспринимала отношения с Джо как приятное развлечение, пикантную тайну, баловство и по большому счету тупик. То ли дело Бобби Карвер – дорога вперед, единственный путь, который видела для себя Линетт.

– Не будь дурочкой! – Линетт легонько стукнула Джо по руке. – Конечно же, ты встретишь подходящего парня! И тогда мы сыграем двойную свадьбу и поселимся в соседних до-

мах. Ты будешь бегать ко мне за сахаром!

Джо заставила себя улыбнуться, хотя чуть не плакала. Линетт знала, что Джо мечтает стать писательницей и жить в Нью-Йорке, и все же в фантазиях Линни Джо оставалась здесь, в Детройте, в фартуке и у плиты.

– А ты будешь приходить ко мне?

– В любое время, когда захочешь! – Линетт широко улыбнулась, облизав губы на свой обычный манер, от которого у Джо неизменно подкашивались ноги, выскочила из уборной для девочек и понеслась на дополнительные занятия по математике.

На ночь Джо отправилась к Боббекам. Секс в постели Линетт был таким же потрясающим, объятия – такими же нежными, как всегда. Но утром в субботу, когда подруга проснулась, вытащила из шкафа платье для свидания с Бобби и спросила совета, у Джо так сдавило грудь, что она едва могла дышать.

– Ты в порядке? – повторила Линетт в четвертый раз, после того как Джо затруднилась сказать, что ей нравится больше – юбка в синюю и белую клетку с голубым свитером или хлопчатобумажное платье в цветочек с широкой юбкой и вырезом «лодочка».

– Я в норме. – Джо хотелось спросить, что чувствует Линетт. Волнуется? Нервничает? Ожидает секса с Бобби с нетерпением, боится или просто решила расстаться с девственностью до получения аттестата? Джо не знала, какой

ответ хуже. – Хотя, пожалуй, нет. Живот болит ужасно.

– Спазмы?

Они столько времени проводили вместе, что Линетт, конечно же, знала о приближении месячных у Джо.

Кивнув, Джо сказала:

– Поеду-ка я домой и лягу.

Линетт поцеловала ее и велела поскорее поправляться. Не успела Джо закрыть дверь спальни, как раскрасневшаяся Линетт уже с довольным видом крутилась у зеркала, поочередно прикладывая к себе разные наряды. Джо долго добиралась на велосипеде, изо всех сил крутя педали и отчаянно пытаясь удрать от своих мыслей. Дома никого не было: мать уехала на работу на машине, Бетти куда-то ушла.

Джо позвонила Верните, которая тоже занималась теннисом, и уговорила ее сыграть несколько партий на школьном корте. Через два часа красная и измученная Вернита взмолилась о пощаде.

– Да что с тобой такое? – спросила она у Джо. – Ты лупишь по мячу так, словно он здорово провинился.

– Я в норме, – отрезала Джо.

Было всего четыре часа дня – три часа до того, как Бобби заедет за Линетт и повезет ее на танцы в *Cliff Bell's*. Вернувшись на Альгамбра-стрит, Джо обнаружила, что дома по-прежнему никого и машины все еще нет. Она приняла душ, переделалась. В кладовой на верхней полке нашлась пыльная бутылка шнапса, которая, похоже, стояла там со времен от-

цовской шивы. Она отнесла бутылку в спальню, зажала нос и, морщась от крепости напитка, понемногу глотала шнапс до тех пор, пока комната не начала кружиться, а руки и ноги не налились тяжестью. Джо легла на спину, закрыла глаза и, видимо, уснула или потеряла сознание. Когда она очнулась, в окна светило утреннее солнце, и сестра смотрела на нее с сочувствием.

– Попей, – сказала Бетти, протягивая стакан чистой воды и таблетку. – И прими аспирин.

– Что мама? – Голос Джо звучал хрипло, говорить было больно. Как и дышать, и думать. Больно было все.

– Когда я пришла домой, ты валялась в отключке. Маме сказала, что у тебя простуда, и спрятала это. – Бетти сунула руку под матрас и вытащила почти пустую бутылку. – Хочешь поговорить?

Джо казалось, что язык покрылся мхом, голова болела так, словно невидимые демоны пинали ее по вискам сапогами со стальными носами, плечи, руки и бедра ныли после вчерашнего тенниса. Что будет, если она признается сестре в любви к Линетт? Отшатнется ли Бетти в ужасе? Вздрогнет ли от отвращения? А вдруг она уже знает?

– Нет, – сказала Джо, потому что мотать головой было слишком больно. – И спасибо тебе, Бетти. За мной должок.

Бетти задумчиво посмотрела на сестру, собираясь что-то сказать или спросить, потом передумала.

– Считай это расплатой за дядю Мэла, – шепнула она и

тихонько прикрыла за собой дверь.

Джо зажмурилась. Что бы там ни произошло между Линетт и Бобби, оно уже случилось. Все, что ей остается, мрачно подумала Джо, выслушать с улыбкой и сказать: *«Я счастлива, если счастлива ты»*, в то время как на самом деле ей хотелось сказать совсем другое: *«Давай убежим туда, где всегда сможем быть вместе»*.

Бетти

Бетти сидела в туалетной кабинке и вдруг услышала разговор двух школьниц. Из-под двери виднелись только черно-белые кожаные туфли, какие носят многие девочки.

– Ты видела, как изменилась Бетти Кауфман? – воскликнул голос, похожий на голос Винни Фрид. – А ведь раньше была такой красивой!

В ответ раздалось хихиканье, в котором Бетти не смогла опознать никого из своих знакомых. Она сидела с куском туалетной бумаги в руках и сторала со стыда. Пробы на школьный мюзикл, ее первый мюзикл в старших классах, были назначены на первую неделю февраля, и Бетти знала, что при нынешних габаритах у нее нет ни единого шанса на главную роль.

В тот же день, добившись разрешения у Сары, она попросила Джо отвезти ее в аптеку и купила на деньги дяди Мэла двадцать восемь жестянок метрекала.

– Потом расскажите, помогло или нет, – попросила девушка на кассе, принимая деньги.

Бетти кивнула. Метрекал только появился в продаже. Рекламу диетического напитка она увидела в журнале для домохозяек у тети Шерли и по телевизору. Бетти выучила ее наизусть. «Хотите стройную и подтянутую фигуру? – нареспев говорил диктор, и на экране появлялись лыжницы в об-

легающих трико. – Попробуйте метрекал вместо ланча!»

Судя по тексту на банках, метрекал следовало принять на ланч, а остальную часть дня можно есть все, но в разумных пределах. *«Два метрекала в день помогут похудеть быстро. Что же касается трех раз, то сперва посоветуйтесь со своим врачом, иначе рискуете исчезнуть!»* Насчет исчезновения Бетти понравилось, и она вовсе не собиралась советоваться с доктором Саксом, у которого были пышные усы и волосы цвета соли с перцем, доктором, наблюдавшим за ней и ее сестрой с самого младенчества. Она решила, что если откажется от твердой пищи, будет принимать метрекал трижды в день и поделает какие-нибудь упражнения, то сбросит пятнадцать фунтов меньше чем за месяц и вернется к своему обычному весу.

Бетти отнесла жестянки на кухню, поставила в буфет, взяла первую, хорошенько потрясла и вылила в стакан со льдом.

– И как он на вкус? – спросила Джо, вытаскивая упаковку *«Чудо-хлеба»* из хлебницы и банку арахисового масла из буфета. Джо была одета как всегда по выходным – в джинсы и мужскую рубашку.

Бетти отхлебнула, стараясь не морщиться. Джо взяла стакан, понюхала и тоже попробовала.

– Фу! – вскричала она. – Вонючая гадость!

Бетти была с ней согласна, но признавать этого не собиралась.

– На вкус как мел, – заметила Джо, вглядываясь в описа-

ние на банке. – Тут сказано: «Имеет вкус и консистенцию молочного коктейля». Да неужели!

– Они бывают с разным вкусом, – сообщила Бетти, взяв стакан. – Может, другие получше.

Джо закатила глаза:

– Зачем тебе это вообще?

– Затем, что я хочу похудеть для прослушивания.

– Почему бы просто не отказаться от десертов на некоторое время?

– Потому, – нарочито терпеливо объяснила Бетти, – что у меня не так много времени. Пробы через три недели.

Джо уселась на столешницу, чего Сара не позволяла никогда.

– Кто сказал, что Нелли Форбуш должна быть худышкой? Кроме того, ты поешь лучше всех в школе.

Бетти покачала головой и отпила свой метрекал. Джо не понять, каково ходить в лопающихся юбках и кофтах, натянутых на груди так, что едва не отскакивают пуговицы, и мальчишки смотрят мимо тебя, словно ты предмет мебели или, хуже того, учительница. Красота – сила, и Бетти хотела обрести ее вновь.

«В течение первых дней приема метрекала вы можете испытывать голодные боли», – предупреждала надпись на банке. Бетти быстро поняла, что *«голодные боли»* – это еще мягко сказано. Первое утро на диете прошло легко. Она встала, сделала зарядку из нескольких приседаний, подь-

емов ног и прыжков, которую нашла в журнале *Seventeen*, приняла душ, выпила свой коктейль и отправилась в школу. В обед она сидела в кафетерии, добродетельно потягивая метрекал. Дениз с Барбарой ей сочувствовали, а Сюзанна отвернулась, чтобы не смущать картошкой фри. По дороге из школы у Бетти закружилась голова, дома она едва не расплакалась от запаха курицы, которую жарила Джо. В животе урчало, рот наполнился слюной, и вместо ужина Бетти легла в постель, сославшись на мигрень. Через несколько часов, учуяв запах свежего печенья из кухни, она застонала и накрыла голову подушкой, полная уверенности, что Джо решила ее добить.

На следующее утро Бетти проснулась голодной, но все же справилась с зарядкой. За ланчем, когда она потягивала метрекал со вкусом ириски, Сюзанна спросила, пробовала ли она голливудскую диету, которая в свое время очень помогла ее матери.

– На завтрак кушаешь половинку грейпфрута, потом, кажется, бульон...

– Я уже на диете, – вскинулась Бетти, – которой и буду придерживаться, если ты не против!

Она надеялась, что коктейль со вкусом ириски пойдет лучше, чем голландский шоколад. Увы, надежды не оправдались.

К двум часам Бетти была на грани обморока.

– Мисс Кауфман, вы с нами? – спросил мистер Бланделл,

учитель математики.

– Да, – ответила Бетти чуть слышно. Она мечтала о том, что съест, когда прослушивание закончится. Ростбиф стоит дорого, конечно, зато у нее есть деньги, заработанные при просмотром за детьми... В куске мяса сделать надрезы, вложить туда чесночок, запечь с картофелем, сыром чеддер и сметаной, на десерт – ванильный пудинг, бисквит с малиной и густыми взбитыми сливками...

«Всего двадцать дней», – твердила она себе.

На следующее утро, встав на весы, Бетти обнаружила, что похудела на три фунта. Достижение придало ей сил, чтобы пережить еще один день на трех коктейлях. На третье утро Бетти выпила утренний метрекал, однако во время первых двадцати приседаний в гостиной у нее сильно закружилась голова. Она закрыла глаза и прислонилась к дивану. Открыв их снова, Бетти обнаружила над собой сестру с банкой из-под метрекала в руке.

– Ты себя угробишь! – заявила Джо.

– Не твое дело, – отрезала Бетти. – Кругом и шагом марш отсюда!

– Не глупи, – сказала Джо. – Ты ешь какую-нибудь нормальную еду? Насколько я понимаю, эти коктейли следует пить лишь вместо обеда.

– Сегодня я решила выпить его и на завтрак. А теперь сделай как самосвал – свали! – велела Бетти, поднялась с пола, прихватила банку метрекала, сунула в сумку и пошла ждать

школьный автобус. Две недели и два дня. Она выдержит!

Вернувшись домой, Бетти обнаружила, что метрекал исчез из буфета.

– Джо! – взвыла она.

Разумеется, сестры дома не было. Вероятно, ушла на тренировку по хоккею с мячом, носится по траве вся потная, со слипшимися волосами, и резиновая капля растягивает ее губы в свирепой ухмылке. Джо могла совершенно не беспокоиться о фигуре, и, даже будь у нее проблемы с лишним весом, ей было бы плевать. Джо вообще ни о чем не переживала.

«Нечестно!» – подумала Бетти и в сердцах швырнула об стенку стакан, в который хотела налить метрекал. Тот разлетелся вдребезги, и, конечно же, пришлось собирать осколки. Закончив с уборкой, она принялась искать коктейль в их с сестрой спальне, справедливо посчитав, что Джо вряд ли вылила его в раковину. В конце концов метрекал нашелся на чердаке, рядом с коробками детских вещей, связанных Бэббе, сломанным радио, старыми пластинками, санками и коробкой с надписью «Папины вещи», открыть которую она не решилась.

Через десять дней Бетти похудела на восемь фунтов и влезла почти во все свои юбки. Голод прошел, теперь она чувствовала себя легкой, как воздушный шарик. В школе она смотрела на картошку фри Сюзанны без малейшего желания; дома долго ковырялась в тарелке, затем пережевыва-

ла рыбу, мясной рулет или котлету до тех пор, пока еда не превращалась в безвкусную кашу, съедая ровно столько, чтобы мать отстала. Если Бетти считала, что съела слишком много, то шла прогуляться. В конце улицы стоял пустой дом, где раньше парковался дядя Мэл, и Бетти пробиралась на задний двор, прислонялась к дереву, совала пальцы в горло и забрасывала землей все, чем ее вырвало, чтобы не привлекать мух или енотов. Строчки из рекламы метрекала отзывались в голове гулко, как удары колокола: *«Что же касается трех раз в день, то сперва посоветуйтесь со своим врачом, иначе рискуете исчезнуть!»*

Лежа в постели, Бетти ощупывала контуры своего тела – ребра под кожей, острый выступ тазовой кости, четче проступившую ключицу – и гадала, правда ли это. Вероятно, нет, хотя она вполне могла превратиться в нечто иное: снаружи – девушка, внутри – лишь стальная сила воли.

– Хорошо выглядишь, – похвалила мать, расщедрившись на комплимент после двух с половиной недель метрекаловой диеты.

Джо скривилась, качая головой. Бетти высунула язык, стоило матери отвернуться, и Джо показала ей средний палец.

– Очень по-взрослому! – воскликнула Бетти.

– Девочки, не ссорьтесь, – не глядя велела Сара, взяла сумочку и вышла за дверь.

На прослушивании голос Бетти звучал как никогда чисто и выразительно. Волосы сияли, глаза сверкали, вокруг талии

она туго затянула тонкий поясок.

– Чудесно! – воскликнула мисс Маккалоу, и, хотя список актеров должны были вывесить только на следующий день, Бетти по лицу учительницы поняла, что главная роль достанется именно ей. – Подожди здесь. – Мисс Маккалоу повысила голос: – Гарольд! Мы готовы!

Из-за кулис вышел парень, отчаянно смущаясь. Голова опущена, плечи под школьной толстовкой сгорблены, словно он пытается стать невидимым. «Зря стараешься», – подумала Бетти. Высокий, наверное, больше шести футов, с широкой грудью, плечистый, кожа красновато-коричневая, коротко стриженные кудрявые темные волосы, брови редкие, словно художник начал делать набросок, а потом куда-то ушел. Губы полные, орлиный нос и карие глаза с чуть приподнятыми уголками. Деревянный ящик у него в руках смотрелся не больше коробки для школьного завтрака.

– Привет, – сказал он, покосившись в сторону зала, вынул руку из кармана и протянул Бетти. – Я – Гарольд Джефферсон.

Бетти кивнула. Она знала, что Гарольд – старшеклассник и звезда футбольной команды, но даже не подозревала, что он еще и в драмкружке занимается.

– Просто встань сюда, Гарольд, – велела мисс Маккалоу. – На отметку.

Гарольд растерялся, и Бетти показала ему наклеенный на полу крестик.

– Тоже пробуешься на роль? – шепнула Бетти.

– Угу, – пробурчал он.

– Бетти, сможешь встать на ящик? – спросила мисс Маккалоу.

Гарольд с Бетти переглянулись. Гарольд поставил ящик на пол, и Бетти на него взобралась.

– Хорошо. Теперь, Гарольд, возьми ее за талию, подними и опусти.

Гарольд нахмурился. Бетти замутило. Неужели из-за того, что она так растолстела, придется искать силача? Какой стыд!..

Гарольд бережно обхватил девушку за талию. Бетти почувствовала запах одеколона – кажется, *Old Spice*, – и вот уже она в воздухе, потом снова на полу, и Гарольд осторожно ставит ее на ноги.

– Отлично! Теперь подними ее и одновременно спой какую-нибудь строчку.

Гарольд опустил голову и нервно сглотнул. По команде мисс Маккалоу он обхватил Бетти за талию, поднял, открыл рот и запел мелодичным и поразительно низким голосом строчку из мюзикла «*На юге Тихого океана*»:

– Ничего нет лучше жееееенщин!

– Ого! – воскликнула Бетти, снова оказавшись на полу. – Ты что, Энрико Карузо проглотил?

Гарольд смутился еще больше.

– Я не смогу, – прошептал он. – Чувствую себя дураком! –

Увидев изумление на лице Бетти, он пояснил: – У меня проблемы с тренером. Либо я иду на прослушивание, либо три игры сижу на скамейке запасных. – Он посмотрел на Бетти с надеждой: – И много парней пробовались на роль?

– Хм. – У Бетти не хватило духу сказать, что пробовались все те же парни, что и всегда, а главную роль получит Карл Беррингер, хотя никто из них и в подметки не годился Гарольду ни по голосу, ни по внешности. Вместо этого она спросила: – Ты когда-нибудь пел на публике?

– Только в церкви, да и то лишь потому, что мой отец – пастор. – Гарольд выглядел совершенно несчастным. – Если возьмут, то команда меня засмеет, да и сестры...

– Сколько их у тебя?

– Четверо. Три старшие, одна младшая.

– Всем спасибо! – объявила мисс Маккалоу. – Список актеров мы вывесим утром в понедельник.

– Лучше бы меня не взяли, – пробормотал Гарольд, а Бетти покачала головой, надеясь, что его все-таки возьмут.

К ноябрю репетиции шли полным ходом. Как Бетти и предполагала, Гарольда взяли на роль Билли, и каждый день четыре раза в неделю его большие руки смыкались на ее талии, становившейся все тоньше и тоньше. Во время репетиций Бетти пыталась выудить из него подробности происшествия с футбольным тренером, но Гарольд отмалчивался. Зато он признался, почему до сих пор не участвовал в школь-

ных спектаклях, несмотря на великолепный голос.

– Боязнь сцены, – пояснил Гарольд. – Не люблю появляться на публике.

Бетти рассмеялась, и Гарольд с досадой воскликнул:

– Что?! Это правда!

– Ты играешь в футбол! Как можно находиться на поле перед сотнями зрителей и...

– Это разные вещи, – заметил Гарольд. – На поле я выхожу в щитках, шлеме, форме. Я – часть команды. И там я не... ну ты понимаешь, – губы его скривились, выговаривая ненавистное слово, – не танцую.

– Что не так с танцами? – не поняла Бетти.

– Не знаю. – Гарольд задумался. – В общем, не мужское это дело.

– Ты ведь танцуешь на школьных вечерах?

– Там танцуют все. – Гарольд нахмурился, ковыряя кожу вокруг ногтя на большом пальце. – На спектакле – один я. Слушай, может, хватит? Мне от таких разговоров только хуже.

– А если представить, что все зрители сидят в зале в нижнем белье? – предложила Бетти.

Гарольд смутился, и Бетти вспомнила, что его отец – пастор. Вряд ли ему приходилось беседовать о наготы с девушками.

– Тогда представь, как делаешь подкат под других актеров!

Гарольд улыбнулся:

– Попробую.

– Только не под меня!

– Ладно, – согласился он. – Только не под тебя.

Поначалу Гарольд чурался других ребят из драмкружка, которые смотрели на него как на недоразумение: мало того – единственный негр в спектакле, так еще и футболист! Постепенно мисс Маккалоу удалось растопить между ними лед с помощью игры-импровизации. «Сегодня так жарко», – начинала учительница, и ученики, стоя в кругу, выкрикивали: «Насколько жарко?» Мисс Маккалоу указывала на кого-нибудь, и парень или девушка должны были придумать сравнение: *настолько жарко, что на тротуаре можно жарить яичницу; настолько жарко, что похоронная процессия завернула в Dairy Queen за мороженым.* Гарольд всегда придумывал самые смешные ответы. *Жарче, чем ужу на сковородке. Холоднее, чем пряжка на ремне землекопа в глубоком колодце. Такая уродливая, что ей впору устроиться призраком в дом с привидениями. Такой глупый, что если ему и придет в голову мысль, то ей будет ужасно одиноко.* Гарольд признался, что это все отцовские поговорки. «Он знает их тысячи».

Гарольд нравился Бетти, но она помнила, как мать не хотела, чтобы Джо играла с темнокожей девочкой; та явно не одобрит, если дочь будет встречаться с ним. «*Одного полета птицы должны стаями водиться*». Бетти знала, что у Га-

рольда – роман с девушкой из баскетбольной команды Джо, Вернитой Клинкскейл, которая ради него бросила парня с флота, стоило Гарольду пригласить ее на выпускной. С Бетти он обращался с небрежной, чуть грубоватой заботой, словно с младшей сестренкой. Мало того, она еще и худеть перестала. Избавившись от восемнадцати фунтов, что даже превышало первоначальный план, Бетти захотела сбросить еще немного, поэтому урезала свой дневной рацион до двух коктейлей и воды с лимоном. По утрам она просыпалась в пять, потихоньку шла в подвал с корзиной грязного белья и полчаса занималась прыжками и приседаниями. Если голова не кружилась, то она чувствовала себя просто восхитительно – полной сил, изящной и легкой, как клинок фехтовальщика. Бетти гадала, что будет, если принимать всего один коктейль в день или один в два дня. Сколько веса можно потерять и при этом жить обычной жизнью? Когда она утратит тело и взмоет в небо?

Доди Сэндерс, старшеклассница, отвечавшая за реквизит и костюмы, принесла юбку цвета хаки, рубашку и купальник *Van-Lon*, которые Бетти следовало надеть для песни «*Я выброшу этого мужчину из головы*»⁵, измерила ее сантиметровой лентой и неодобрительно поцокала языком. Сама Доди была девушкой крупной, с жесткими темными волосками на руках и над верхней губой, и Бетти плевать хотела на ее неодобрение. «Не вздумай худеть слишком сильно!» – объ-

⁵ South Pacific – Wash That Man Right Outta My Hair.

явила мисс Маккалоу на следующий день во время репетиции, но ее Бетти тоже проигнорировала.

– Перестань голодать! – заявила Сара вечером. – Ты себя угробишь!

Бетти ее заверила, что с метрекалом покончено и она принимает его только на ланч – надо ведь допить купленные припасы.

– Разве твои коктейли портятся? – удивилась Джо. – Я-то думала, они могут храниться вечно.

Бетти бросила на сестру сердитый взгляд. Джо посмотрела на нее с невинным видом.

– Девочки, не ссорьтесь, – велела Сара.

Бетти ела запеченную рыбу и половинку сладкого картофеля, испытывая жгучую ненависть к каждому жирному куску, тяжело падавшему в ее чистое, пустое нутро.

В понедельник на репетиции она распевала про кукурузу высотой со слона, и вдруг мир вокруг нее поплыл, сцена закачалась, словно деревянные доски превратились в волны. Последнее, что Бетти помнила, очнувшись в медпункте, – спину Гарольда Джефферсона.

– Она на диете, – раздался голос Джо, и Бетти попыталась сесть.

– Я в порядке...

– Вовсе нет! – воскликнул Гарольд. Его редкие брови были насуплены, руки он сунул в карманы. – Ты упала в обморок!

– Сообщите своему семейному доктору, – посоветовала медсестра, и Джо пообещала ему позвонить.

– Идем, я на машине, – сказала сестра, обняла ее за талию и повела на парковку.

Бетти села на пассажирское сиденье, и Джо отвезла ее на Альгамбра-стрит. В доме было темно и тихо. По понедельникам и вторникам, в свои выходные, Сара отсыпалась, вставая лишь к ужину.

Бетти хотела уйти в спальню, но Джо схватила ее за плечо, удерживая на месте.

– Дай хотя бы грим смыть, – возразила Бетти с деланой беззаботностью.

Сестра покачала головой.

– Иди в кухню, – велела она, и Бетти пришлось подчиниться.

Бетти села за стол, Джо достала из холодильника хлеб и сыр.

– Спасибо, я не голодна. На репетиции перехватила чипсов! Линн Фридендер с Доди Сэндерс принесли еды на всех.

– Ты не ела картофельные чипсы. Ты скорее умрешь, чем возьмешь их в рот! – заявила Джо, ставя на столешницу маринованные огурчики и пачку настоящего масла, которое, видимо, купила сама. Бетти смотрела, как сестра кладет его на сковородку, смазывает с обеих сторон два ломтя хлеба. Когда масло зашипело, она опустила в него хлеб, сверху до-

бавила по два куска сыра и села за стол.

– Я знаю, что ты ничего не ешь. – Бетти открыла рот, чтобы возразить, Джо остановила ее жестом: – Просто послушай. – Она посмотрела Бетти в глаза. – Если ты и дальше будешь вредить себе, он победит.

Бетти заерзала на стуле.

– Понятия не имею, о чем ты!

– Все ты понимаешь.

– Джо, какие победы? Мне просто нужно сбросить пару фунтов для спектакля.

– Ты их уже сбросила. – Джо встала, перевернула сэндвичи и положила на тарелку. В кухне приятно пахло поджаренным хлебом, растопленным маслом и сыром. Джо выудила из банки несколько маринованных огурчиков, порезала сэндвичи по диагонали, потом еще раз пополам и поставила тарелку перед сестрой.

– Я правда не голодна!

– Укуси пару раз, и я отстану. – Бетти промолчала, и Джо напомнила: – Ты упала в обморок, причем на глазах у всех! Сколько ты сбросила – фунтов двадцать?

– Восемнадцать, – ответила Бетти, радуясь ошибке Джо.

– Вот и хватит. Прошу, не дай ему победить!

Бетти покачала головой, собираясь возразить, и вдруг по перекошенному лицу Джо с ужасом поняла, что та едва не плачет, хотя обычно сестру ничем не проймешь.

Бетти взяла четвертинку сэндвича, чувствуя, как мягкий

расплавленный сыр пружинит между пропитанными маслом кусками хлеба. Она представила, как впивается зубами в хрустящий тост, как на язык течет теплый сыр, как приятно жевать и глотать пищу, как брызжет слюна и по рту разливается пряный вкус маринованного огурчика, как он хрустит на зубах... Вот было бы здорово! Впрочем, вряд ли она сможет остановиться.

Положив сэндвич на тарелку, Бетти вытерла пальцы.

– Джо, извини, я просто не голодна. – Надо переждать. Хлеб остынет, масло и сыр затвердеют, сэндвич потеряет всякую привлекательность и перестанет так дивно пахнуть. – К тому же скоро ужин, верно?

Джо молча отвернулась к плите, прибавила огонь под сковородкой, положила еще масла, достала из упаковки два куса хлеба и намазала маслом. Приготовив второй сэндвич, Джо посмотрела на сестру и взмолилась:

– Прошу тебя! – Криво улыбнувшись, она добавила: – По моему, ты скоро совсем исчезнешь.

«Этого я и добиваюсь, – подумала Бетти, – *неужели не ясно?*» Джо не сводила с нее глаз, и в них светилась решимость. Бетти знала, что сестра не отступится, приготовит еще с десяток сэндвичей и просидит на кухне до самого утра, пока она не сдастся.

Осторожно приподняв четвертинку сэндвича, Бетти коснулась ее кончиками зубов и отщипнула крошечный кусочек. Хлеб захрустел, сыр потек в рот, наполняя его незамыс-

ловатым приятным вкусом. Бетти решила еще на крошку, потом укусила как следует, доела первую четвертинку, взяла огурчик и отхлебнула сока, налитого Джо.

– Довольна? – спросила она.

Джо покачала головой, торжественно вынула из буфета четыре последних банки метрекала и одну за другой вылила в раковину.

– Никуда тебя не отпущу!

– Ладно, – кивнула Бетти.

В животе появилась непривычная тяжесть, в горле саднило при виде того, как сестра спускает в канализацию ее коктейли, выливая все до последней капли.

1961. Джо

День благодарения был любимым праздником отца. Еврейские праздники, считала Джо, заставляли его ощущать свою чуждость. Конечно, ему нравился Песах и яблоки с медом на еврейский Новый год, но особенно он ценил праздники, которые Кауфманы отмечали вместе со всеми жителями Детройта и Америки. На Четвертое июля, в День памяти и в День ветеранов, папа вывешивал у входной двери американский флаг. В октябре на крыльце у Кауфманов всегда у первых появлялась тыква, в ноябре Кен приносил с чердака коробку с надписью «*День благодарения*» и доставал из нее бумажных индеек на блюде, сделанных девочками в детском саду. Хотя обычно отец еду не готовил, в День благодарения в начале седьмого утра он лично ставил запекаться индейку, каждые пятнадцать минут усаживался на корточки перед духовкой, открывал дверцу и поливал птицу секретным маринадом из растопленного маргарина, апельсинового сока и соуса терияки. Дом наполнялся ароматами жареной индейки, мускатного ореха, имбиря, корицы и знаменитых Сариных булочек *Parker House*. В десять часов Джо с Бетти надевали зимние пальто, даже если погода стояла теплая, и отец вел их на Вудвард-авеню смотреть парад в честь Дня благодарения. Бетти он сажал на плечи, Джо держал за руку. Они пробирались к самому краю тротуара и наблюдали за процессией

музыкантов и мажореток с жезлами, разглядывали воздушные шары и фигуры с огромными головами из папье-маше. В два часа индейку вынимали из духовки. Джо не сводила с нее глаз, гадая, заметит ли мать, если она отщипнет кусочек крылышка. Тем временем Сара начинала разогревать гарниры, которые готовила всю неделю, ловко ставя в горячую духовку тарелки, сдвигая их и меняя местами. Папа отпраивлялся в Детройт за Бэббе и Зайде, и в четыре часа пополудни они садились пировать.

Теперь все изменилось. Хотя *Hudson's* в День благодарения не работал, сотрудники, желавшие получить сверхурочные, приходили уже с семи и готовили магазин к наплыву пятничных покупателей, которые заявятся поутру со списками продуктов в руках. Сара относилась к таким покупателям с презрением, но отказаться от полуторной оплаты была не в силах, поэтому записалась на восьмичасовую смену. Джо могла бы отправиться на парад с Линетт и ее младшими братьями, однако при мысли о том, что придется смотреть парад без отца, она едва не расплакалась. О походе в гости к дяде Мэлу и речь не шла. И тогда сестры придумали кое-что другое.

– Давайте позовем гостей! – предложила Джо как-то вечером в пятницу, в октябре. Ужины в Шабат, которые они так любили, превратились в трапезы на скорую руку: Бетти готовила курицу, Джо накрывала на стол, Сара заезжала за халой в пекарню по дороге с работы. Магазинный хлеб не

шел ни в какое сравнение с домашней выпечкой Зайде, но он ушел на пенсию, к тому же у Сары теперь не хватало времени на посиделки с родителями.

Мать посмотрела на Джо через стол. Между бровей у нее пролегла глубокая складка.

– Каких таких гостей?

– Ну, к примеру, Штейнов. Еще можем позвать Симоно.

Сара перевела взгляд с одной дочери на другую. Джо была одета в толстовку с эмблемой школы и длинные баскетбольные шорты, Бетти – в сине-золотую клетчатую юбку Джо, голубую блузку с отложным воротником, двухцветные кожаные туфли и темно-синий вязаный кардиган, купленный на распродаже и уже весь в катышках. Сара сидела в зеленом шерстяном платье с кожаным поясом. Она успела снять туфли-лодочки, которые носила на работу, и со вздохом потирала красный след, отпечатавшийся на ступне. Перед ней лежал блокнот и пластиковый ящичек с рецептами, написанными на карточках для каталога ее крупным округлым почерком. Темная ткань платья поглощала свет, подчеркивая бледность Сары и круги у нее под глазами.

– Если никого не пригласим, то доедать индейку придется целый месяц, – заметила Бетти.

– Можем позвать Генри Шешевски, – предложила Джо.

Сара не сразу вспомнила, о ком речь.

– Генри Шешевски... Давно я его не видела.

– Ну же, мама! – воскликнула Бетти. – Будет весело!

– Приглашения мы возьмем на себя, – пообещала Джо, особо не надеясь, что мать вдохновится идеей праздника. – И после застолья сами все уберем!

– Я не могу себе позволить тратить время на готовку... – проговорила Сара, но Джо поняла, что мать готова уступить.

– Приготовим тоже мы, – сказала Бетти. – Точнее, я.

– Эй! Я умею готовить! – вскричала Джо.

Мать с сестрой покосились на нее с недоверием. Джо прикусила губу. На обязательных уроках домоводства в школе Беллвуд она потерпела пару крупных неудач. Правда, отчасти в этом была виновата Линетт, отвлекшая ее в тот раз, когда Джо забыла положить в фунтовый кекс яйца; в другой раз, несколько недель спустя, она споткнулась и вывалила кастрюлю со сдобным тестом прямо на пол.

– Как насчет желе? – предложила Бетти.

Джо закусила губу. На День благодарения на столе всегда было желе. Папа клал немного десерта себе на тарелку, тыкал его вилкой и распевал шутливую песенку: «И трясется, и дрожит, хотя на месте оно лежит!» В раннем детстве девочки ее обожали, потом подросли и с каждым годом чувствовали себя все более неловко. Джо поморщилась, вспомнив, как в прошлый раз закатила глаза, едва папа запел. Теперь она отдала бы что угодно, лишь бы услышать его голос, пусть даже поющий дурацкую желейную песенку...

– Думаешь, у тебя получится? – спросила Сара, смерив Джо пристальным взглядом. – В четыре ты должна быть до-

ма, причем в платье.

– Значит, гостей зовем?

Сара снова вздохнула.

– Если только это не ляжет на мои плечи, – сказала она. – Готовить, убирать и накрывать на стол вам придется самим.

– Мы справимся! – пообещали Джо с Бетти, и Сара наконец со вздохом кивнула.

В День благодарения женщины семейства Кауфман поднялись рано. Сара прикрыла фартуком юбку и блузку, в которых собиралась пойти на работу, и наполнила индейку начинкой, приготовленной Бетти. Тоже надев фартук, Бетти просеяла муку, добавила соль, соду и начала замешивать тесто для булочек. Джо тем временем установила в гостиной гладильную доску, отутюжила белую праздничную скатерть и накрыла ею три складных стола, одолженных у Штейнов. В этом году за стол сядет пятнадцать человек: их трое, Бэббе с Зайде и Генри Шешевски, который привезет родителей Сары из Детройта, Дон и Мэри Штейн с Тимом, Пэт и Дональдом-младшим, супруги Симоно с подругой Бетти, Барбарой, и ее братом, Энди. Джо предвкушала наплыв гостей, разговоры и смех, никаких длинных пауз или неприятных воспоминаний. Штейны принесут десерт – три разных пирога и взбитые сливки, Генри Шешевски – вино и шнапс, Симоно – сырный шар с крекерами. Джо очень хотелось позвать Линетт, но та не смогла убедить родителей отказаться от еже-

годной поездки в Гранд-Рапидс.

Джо разложила наутюженные салфетки, поставила белые фарфоровые тарелки, хрустальные бокалы для вина и стаканы для воды, купленные в *Hudson's* со скидкой. Вчера в школе был короткий день, и после занятий Джо заскочила в цветочный магазин на Тен-Майл-роуд за желтыми и оранжевыми герберами. Парень за стойкой добавил листьев папоротника и пару веточек гипсофилы. Джо соорудила три букетика и поставила их в стеклянные банки из-под горчицы и меда. Украсив ими стол, она улыбнулась. «*Может, готовить я и не умею, –* подумала она, мысленно обращаясь к Линетт, – *зато кое-какие женские штучки знаю*».

На кухне ожидали своего часа зеленая фасоль и сладкий картофель, которые оставалось лишь разогреть. Булочки подходили, индейка стояла нафаршированная, со связанными ножками, готовая отправиться в духовку, Сара собиралась уходить в *Hudson's*.

– Если можно, я ненадолго съезжу к Линетт – там и желе приготовлю, – сообщила Джо.

– Обед в четыре, – напомнила дочерям Сара. – Не забудьте поставить индейку в духовку в десять, вынуть – в три, чтобы настоялась.

Поцеловав Бетти, мать сурово посмотрела на Джо, взяла сумочку и вышла за дверь.

Крутя педали по пути к Линетт, Джо размышляла о том, почему День благодарения так важен для матери. Пускай

Сара никогда не обзаведется домом с четырьмя спальнями в Саутфилде или в Блумфилд-Хиллс и цветной горничной, может, пускай ей придется проводить целый день на ногах, бегая по примерочным и спрашивая покупателей «Вам принести другой размер?» или терпеливо объясняя им, что даже при наличии ценника вещь со следами пота под мышками вернуть нельзя, – женщины семьи Кауфман все равно способны устроить обед в честь Дня благодарения и предложить гостям восхитительное угощение – фаршированную индейку с булочками *Parker House* – точно так же, как и любая другая американская семья.

Джо крутила педали, наслаждаясь нагрузкой, чувствуя, как работают мышцы ног. Родители Линетт уже уехали в Гранд-Рапидс, а Линни с братьями собирались выехать часа в три пополудни, чтобы тем самым сократить время пребывания шумных, неуклюжих Рэнди и Гарри Боббека в доме бабушки, полном хрупких фарфоровых фигурок и белых ковров от стены до стены. «К тому же, – объяснила Линетт миссис Боббек, – Джо нужно помочь с готовкой».

Линни открыла дверь в тонком розовом халатике, с мокрыми волосами и раскрасневшейся после душа кожей.

– Заходи, – шепнула Линетт, схватив Джо за руку. От нее пахло мылом *Camay* и шампунем *Prell*, и Джо хотелось расцеловать ее от кончиков пальцев до макушки.

Они с хихиканьем промчались по дому, в котором пахло, как всегда, полиролью для мебели и пряностями для засол-

ки, через гостиную, где перед огромным телевизором, обшитым деревянными панелями, стоял на тонких золотых ножках новый диван с бирюзовой обивкой, и направились прямо в спальню Линни. *«Разве со мной тебе не лучше, чем с ним?»* – хотела спросить Джо, лаская бледную шею подруги, проводя кончиками пальцев по ее груди. Линетт особо не рассказывала о том, что произошло между ней и Бобби Карвером, но Джо чувствовала, что утрата девственности превратила их милую возню в постели в соревнование почище волейбольного или баскетбольного матча. Слушая вздохи Линетт, видя, как грудь и шею подруги заливают румянец, наблюдая, как она выгибается дугой и упирается пятками в бело-розовую простыню в цветочек, Джо думала: *«Разве со мной тебе не лучше, чем с ним?»* Однако спросить вслух Джо не позволяла себе никогда. Она просто наслаждалась восторгом Линетт и надеялась, что та все поймет сама. *«И что будет тогда?»* – думала Джо, беря лицо Линетт в ладони и целуя. – *«Она бросит Бобби и убежит из дома со мной?»* Исключено. Линетт точно не вынесла бы такой жизни. Впрочем, Джо и в себе была не очень-то уверена.

– Хватит меня дразнить! – воскликнула Линетт, когда Джо легонько коснулась завитков волос между ее ног. Как ни в чем не бывало, Джо провела руками по пышным, поддрагивающим бедрам Линетт, лаская их до тех пор, пока они не раздвинулись, открывая ее самое сокровенное место. Джо наклонила голову и провела по нему кончиком языка.

Линетт вскрикнула, застонала, покачивая бедрами, схватила Джо за волосы, пытаясь придвинуть ее лицо еще ближе. – О боже, о боже, о бо-о-о-же! – пропела она, когда Джо сунула внутрь палец, продолжая ласкать ее языком и положив свободную руку ей на живот, удерживая ее на месте. Джо мечтала о том, чтобы остаться здесь навсегда – в этой спальне, в этой постели, вдвоем с Линетт, такой теплой, такой нежной и сладострастной...

Когда они закончили, Джо плюхнулась на спину, отдышалась, и тут Линетт взяла с прикроватной тумбочки *«Исчерпывающий свод правил этикета от Эми Вандербильт»*, лежавший рядом с радиоприемником в виде белого пуделя. Книгу ей подарила бабушка на шестнадцатилетие, и любимым развлечением Линетт после секса было отыскивать особенно нелепые отрывки и зачитывать их вслух нарочито манерным голоском.

– Послушай-ка вот что! – воскликнула Линетт, все еще раздурманенная, с влажными волосами, выющимися на лбу и щеках. Она прочистила горло и защебетала: – «Иногда женщине-руководителю приходится оплачивать развлечения или другие счета клиентов-мужчин, а также вносить часть оплаты за бизнес-ланч. В любом случае ради душевного спокойствия мужчины женщине следует избегать демонстрации своего материального благополучия. Даже если она обедает с младшим по должности, ей необходимо проявить учтивость и сделать вид, что по счету платит он».

Джо слушала вполуха, вытянув руки за головой. Она чувствовала себя прекрасно, свободно и расслабленно, тревожные мысли ее покинули, и не нужно было волноваться ни о матери, ни о будущем, ни о том, насколько ей станет больно, когда отношения с Линетт закончатся.

– Твоя мать обедает с кем-нибудь с работы?

Джо покачала головой:

– Даже если да, то уж точно не с мужчинами. – Ее мать работала в исключительно женском коллективе и называла своих коллег «девочками». Некоторые «девочки» уже миновали пору юности – одинокие молодые женщины тянули время в ожидании замужества, замужние старались накопить побольше денег на детей. Другим «девочкам» было уже под сорок или даже под пятьдесят, и они работали, чтобы помочь мужу содержать семью, некоторые – овдовели, как и Сара. Среди них нашлись даже две «разведенки», самостоятельно кормившие себя и детей. Джо поражалась, как уважительно мать отзывается о своей начальнице, миссис Лайонс, и о молодой темнокожей по имени Тоби Петтигрю, которая поднялась от обычной портнихи до продавца в *Better Dresses*, однако она никогда не ходила в гости к сотрудницам и к себе их тоже не приглашала.

– Или вот еще! – прыснула Линетт, перелистывая страницы. – «Ни одна женщина не будет счастлива, если поставит карьеру выше мужа и семьи, – прочла она. – Взяв на себя свои естественные обязанности, женщина должна выполнять

рабочие обязанности так, чтобы ни в коем случае не навредить семье. Где бы мы ни повстречали женщину, которой вроде бы удастся играть обе роли, суровая правда заключается в том, что женщины с маленькими детьми не способны создать семейное счастье, работая на полную ставку».

– Естественные обязанности женщины... – задумчиво повторила Джо, гадая, была ли ее мать счастливее в роли домохозяйки, когда деньги в дом приносил муж, или же ей нравилось работать. Похоже, мать любила работать ничуть не больше, чем сидеть на хозяйстве. Вне зависимости от того, проводила она день за готовкой или продавала платья в *Hudson's*, губы Сары сжимались все в ту же тугую линию, на лице навсегда застыло выражение вечного недовольства.

– У нее нет маленьких детей, – заметила Линетт.

– Верно. Похоже, ей просто нравится уходить куда-нибудь каждый день и чем-нибудь заниматься.

– Вероятно, это помогает ей не думать о твоём отце, – предположила Линетт.

Джо побарабанила пальцами по мягким простыням Линетт.

– Честно говоря, я не уверена, что она вообще по нему скучает.

– Ну что ты, конечно, скучает!

– Не уверена, – повторила Джо. Она считала, что мать наслаждается независимостью, которую ей принесло вдовство, свободой зарабатывать деньги, правом распоряжаться чеко-

вой книжкой, ключами от машины и решать, в какой колледж отправится Джо и надо ли ей вообще учиться в колледже.

– Ты все еще ходишь на те мероприятия по субботам? – спросила Линетт, перекатившись на бок и укрывшись простыней до подбородка.

– Если ты про пикеты, то да. – Внезапно Джо рассердилась. Начиная с предпоследнего класса Джо проводила одну субботу в месяц на пикетах в Детройте. В марте она, Ладонна с Ладреа и еще несколько учеников из школы Беллвуд ездили в Лансинг, чтобы принять участие в демонстрации за жилищное равенство, проводимой Национальной ассоциацией содействия прогрессу цветного населения. Многие месяцы Джо уговаривала Линетт отправиться с ней. Сначала она пыталась убедить подругу, что в мире, где у всех равные права, они смогут встречаться, не таясь. Линетт воззрилась на нее с изумлением, и Джо поспешно добавила: «Просто сходи со мной за компанию. Будет весело!» Линетт уклончиво ответила: «Посмотрим», однако каждую субботу придумывала оправдание – то ей надо помочь матери с младшими детьми, то готовиться к тесту, то голову мыть. «У тебя наверняка есть что рассказать», – говорила она, и Джо действительно вываливала на нее ворох историй про то, как Эл Хаймовиц всю дорогу туда и обратно цитировал «*Манифест Коммунистической партии*», как Дини Альтшулер заметила фотографа из *Detroit News* и, испугавшись, что родители могут увидеть

ее фото в газете, бросила свой плакат и закрыла лицо руками.

Линетт перекатилась на спину, задрав руки над головой так, что ее груди соблазнительно поднялись.

– Напомни-ка мне, почему тебе есть до этого дело.

– Потому, – ответила Джо, осыпая поцелуями плечо и шею Линетт, – что я верю в справедливость! – Она поцеловала одну щеку. – Я верю в равенство! – Она поцеловала другую. – И я уверена, что люди должны иметь возможность кушать, плавать или ходить в школу там, где им хочется. – Она сдернула простыню и громко подула Линетт в живот. Девушка взвизгнула и попыталась оттолкнуть ее голову.

– Знаешь, что думаю я? – спросила Линетт, переведя дух. – Я думаю, тебе просто хочется позлить свою мать.

– Это лишь приятный побочный эффект. – Линетт знала про Мэй и ее дочь Фриду. Еще она знала про тот случай, когда Джо с Бетти отправились в городской бассейн *Belle Isle* в День памяти два года назад. По расписанию бассейн открывался в десять утра, и многие семьи приехали пораньше и выстроились в очередь: матери с полными сумками еды и полотенец, бледные детишки, носящиеся туда-сюда в купальных костюмах, ставших за зиму слишком тесными или перешедших им от старших братьев и сестер – очень свободные внизу и провисающие на груди. По другую сторону забора стояли четверо черных мальчишек, просунув пальцы сквозь сетку, и молча глядели, как открываются ворота, и бе-

лые дети радостно вопят и влетают внутрь, не обращая внимания на окрики спасателей и мольбы родителей не спешить и смотреть, куда они прыгают. Ребятишки не сказали ни слова и даже не попытались проникнуть в бассейн, но выражение тоски на их лицах преследовало Джо все лето, каждый раз, когда она проходила мимо. Она рассказала об этом Линетт, и та лишь пожала плечами, бросив: «Ну для них ведь тоже есть бассейны».

– Пошли! – велела Джо после того, как заставила Линни дрожать, краснеть и шептать ее имя, и потом Линни проделала с ней то же самое. Она опустила ноги на бледно-розовый ковер, который был на несколько тонов светлее, чем розовые обои, и наклонилась за своей одеждой. – Пора готовить!

Линетт застонала, поднялась, набросила халат и начала шарить по комнате. Наконец она обнаружила на столе журнал, который искала.

– У меня есть план! Твоя мать считает тебя никчемной?

– Сама знаешь, что да, – ответила Джо.

– Так вот, – улыбнулась Линетт, явно очень довольная собой. – Сара перестанет считать тебя неудачницей, если ты приготовишь... – Она открыла журнал на заложенной странице и просияла. – Клубнично-ананасовое желе!

– М-мм, – протянула Джо, потому что «м-мм» было частью названия рецепта, напечатанного в журнале.

Они с Линетт вместе прочли его вслух:

– Клубнично-ананасовое желе! М-мм!

– У меня же нет ананасов, – вспомнила Джо.

– Считай, что тебе повезло! – воскликнула Линетт, помчалась вниз по лестнице в кухню и достала из материнского буфета банку ананасов.

Джо изучила этикетку, думая, что идея так себе. Кулинарных экспериментов она опасалась.

– Может, не стоит все усложнять? К тому же я купила вишневое желе, а не клубничное.

Линетт покачала головой:

– Не заморачивайся! Оно ведь тоже красное? – Джо кивнула, Линетт достала из кармана халата журнал и продолжила читать рецепт: – Свежая клубника. Есть. Ананасовый сироп... – Она нахмурилась, потом пожала плечами: – Думаю, сойдет и кленовый.

Вдвоем они быстро приготовили блюдо: высыпали в пластиковую миску порошок из пакетика, налили туда горячей воды, перемешали, добавили консервированных фруктов и нарезанной клубники, а также указанного в рецепте лимонного сока. Джо мешала и добавляла ингредиенты, следуя советам Линетт. Убрав желе в холодильник, Линетт посмотрела на часы и кокетливо улыбнулась:

– Теперь оно должно загустеть. Не хочешь пока принять душ?

Джо с радостью согласилась. Они плескались в ванной, пока не кончилась горячая вода. Джо хлопнула Линетт свернутым полотенцем пониже спины, подруга вскрикнула и вы-

бежала за дверь голышом, в одной купальной шапочке. Джо в полотенце бросилась за ней. Со смехом обогнув угол спальни Линетт, Джо едва не врезалась в Рэнди Боббека, который только что поднялся по лестнице. Рэнди вытянул руки перед собой, вытаращил глаза и открыл рот, изумленно переводя взгляд с Джо на сестру и обратно.

Линетт закричала, на этот раз испугавшись по-настоящему. Одной рукой она прикрыла грудь, другую сунула между ног.

– Рэнди, ты совсем сдурел?! – завопила она и захлопнула дверь в спальню.

– Прошу прощения, – пробормотала Джо, отступая в ванную и надеясь, что Рэнди не смотрит ей вслед, хотя что еще он мог делать?

Через несколько минут в дверь постучала Линетт. Она надела новое трикотажное платье от Джонатана Логана – темно-коричневое с красными и розовыми цветами, чулки и туфли.

– Он что-нибудь видел? – прошептала Линетт, входя. Лицо у нее было бледное, глаза – огромные.

– Нет. – Джо пыталась придать голосу уверенности, хотя на самом деле понятия не имела, что видел или что подумал про них Рэнди. Две девушки, почти голые, смеются и бегают друг за другом. Может, он решил, что так делают все лучшие подруги? Джо нервно сглотнула. – Не переживай, – велела она Линетт. – Ничем таким мы не занимались. Все в поряд-

ке!

Линетт покачала головой, все еще страшно напуганная.

– Если он что-нибудь скажет родителям... Если об этом узнают в школе...

– Не узнают, потому что тут и знать нечего. Все в порядке! – повторила Джо.

Линетт кивнула, стиснув губы, и почти не глядя вручила ей рубашку и комбинезон, в которых Джо к ней пришла. Спустившись в кухню, Джо вынула из холодильника круглую форму с желе, Линетт позвала братьев:

– Рэнди! Гарри! Пора ехать!

Всю дорогу до Альгамбра-стрит Джо едва дышала. Мальчики на заднем сиденье обсуждали перспективы местной хоккейной команды, а вовсе не то, что Рэнди видел свою сестру, скачущую по дому голышом на пару с лучшей подружкой.

– Пока, – попрощалась Джо, и Линетт рванула с места, едва та успела захлопнуть багажник.

Закатив велосипед в гараж, Джо пошла на кухню и убрала миску в холодильник. Желе выглядело жидковатым, и оставалось лишь надеяться, что оно успеет застыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.